

О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМѢ.

Въ современныхъ рѣчахъ о церковной реформѣ замѣчается одно интересное явленіе. Всѣ и повсюду согласно говорятъ, что въ жизни Церкви что-то неладно, что нужна реформа и обновленіе. Старое признано неудовлетворительнымъ и всѣ единодушно сознаютъ необходимость новаго. Но на этомъ сознаніи необходимости реформы, кажется, и оканчивается общее согласіе. Въ опредѣленіи того, въ чемъ должна состоять реформа, уже обнаруживаются значительныя разности и несогласія. Повидимому, всѣ сходятся на церковномъ соборѣ: онъ призванъ разрѣшить всѣ недоумѣнія и обновить Церковь. Но не говоря о самой организаціи собора,—что составляетъ въ настоящее время предметъ оживленнаго обсуждения въ духовной печати,—едва ли не болѣе важный вопросъ о характерѣ и объемѣ дѣятельности собора: чтó онъ долженъ обсуждать и по какому кругу вопросовъ вынесетъ свои авторитетныя рѣшенія? Вѣдь нельзя ни на минуту забывать, что соборъ не есть самоцѣль, а только средство оживленія и обновленія церковной жизни. Соборное начало только наиболѣе совершенная форма церковной жизни; при проведеніи этого начала создаются только наиболѣе благоприятныя условія для развитія и проявленія животворныхъ началъ Христовой вѣры. Ясное дѣло, что вся существенная важность вопроса именно въ этихъ внутреннихъ началахъ, въ идейной сторонѣ христіанства, въ вѣроученіи и правоученіи, насколько живы и дѣйствительны среди насъ, въ этой всегда несовершенной обстановкѣ жизни, высокіе завѣты

Христа, завѣты чистѣйшей истины, безкорыстной любви и неподкупной правды.

Христіанство призвано возродить человѣка и обновить лице земли, и для его историческаго бытія вѣчнымъ критеріемъ на всѣ времена остается степень нравственнаго совершенства его исповѣдниковъ (Ев. Іоан. 13, 35), пропикновѣніе и воплощеніе въ жизни великихъ завѣтовъ Божественнаго Учителя. Внѣшнія формы устройства и управленія являются здѣсь неважными и второстепенными настолько, что трактуются, какъ отличительная принадлежность мірской жизни, которой противопоставляется жизнь послѣдователей Христа. Въ отвѣтъ на просьбу матери сыновей Зеведеевыхъ, чтобы одинъ изъ ея сыновъ сѣлъ по правую, а другой по лѣвую сторону Христа въ Его царствѣ, Христосъ Спаситель отвѣчалъ: „вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими; но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ“ (Матѣ. XX, 25—27). Въ самомъ корнѣ прекращалъ Христосъ возникавшія среди Его учениковъ стремленія къ возвышенію и властвованію; ихъ значеніе и достоинство утверждалось одинаково для всѣхъ званіемъ учениковъ Христовыхъ и только разнилось въ мѣру личнаго нравственнаго совершенства и развитія, а не въ силу какихъ либо внѣшнихъ правъ и преимуществъ. Христосъ не устанавливаетъ внѣшнихъ формъ и распорядковъ Своего Царства; Онъ даетъ новую жизнь духа, въ новомъ содержаніи души человѣческой, чрезъ ея возрожденіе и обновленіе. Все должно служить одной великой цѣли—созиданію царства Божія въ душѣ cadaго и въ общеніи всѣхъ. Завѣты Христа принципиальнаго и вѣчнаго содержанія: это—безкорыстное служеніе правдѣ, мужественное до смерти исповѣданіе истины и крестный подвигъ любви. Все остальное въ Его Царствѣ постольку имѣетъ значеніе, поскольку способствуетъ проявленію и развитію животворныхъ началъ Его ученія. Формы церковнаго устройства и управленія имѣютъ только второстепенное значеніе. Главный жизненный нервъ церковной жизни въ вопросахъ вѣры и обновленія жизни по началамъ Христова ученія.

Къ удивленію однако, эта сторона вопроса почти совер-

шенно не затрагивается въ рѣчахъ о церковной реформѣ. Все вниманіе сосредоточено на вопросѣ о церковномъ соборѣ, его организаціи и составѣ, при чемъ его задача опредѣляется, какъ возстановленіе древняго каноническаго строя Церкви и прежде всего въ реорганизаціи церковнаго управленія. При этомъ предполагается, что все зло церковной жизни въ государственномъ положеніи православной Церкви въ Россіи, въ не каноничности ея устройства и управленія. О вопросахъ вѣроученія и правоученія, о принципиальной сторонѣ церковной жизни рѣчи нѣтъ, или объ этомъ упоминается вскользь, мимоходомъ, какъ будто здѣсь все обстоитъ благополучно.

Характерно въ этомъ отношеніи нѣкоторое колебаніе нашей высшей церковной и отчасти гражданской власти. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Св. Синода въ мартѣ 1905 года задача церковной реформы опредѣляется Синодомъ въ томъ, чтобы „пересмотрѣть нынѣшнее Государственное положеніе православной церкви въ Россіи, въ виду измѣнившагося положенія инославныхъ исповѣданій, глаголемыхъ старообрядцевъ и сектантовъ и преобразовать управленіе церковное“ (Приб. къ Церк. Вѣдом., 1905 г., № 45, стр. 1898). Для этого въ докладѣ предполагается прежде всего привлечь всѣхъ епископовъ къ участию въ Синодѣ, вызывая ихъ по очереди, на ряду съ членами постоянными, и „возглавить“ Синодъ патріархомъ; потомъ созвать въ Москвѣ изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ соборъ, кругъ дѣятельности котораго въ докладѣ ограничивается вопросами церковнаго управленія, внѣшней организаціи церковной жизни по митрополіямъ, епархіямъ и приходамъ, и о представленіи духовенству участія въ государственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ. Правда въ концѣ доклада Синодъ допускаетъ возбужденіе на соборѣ и другихъ вопросовъ, но только „имѣющихъ быть разработанными въ Святѣйшемъ Синодѣ“ (Приб. къ Церк. Вѣдом., № 45, стр. 1899). Очевидно, вся реформа здѣсь сводится къ освобожденію нашихъ іерарховъ отъ опеки свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора, т. е., къ полному ихъ властвованію въ дѣлахъ церковныхъ; а также имѣется въ виду предоставленіе имъ и правъ гражданскихъ,— право участвовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Члены Синода заботятся о расши-

реніи своихъ правъ и власти и всецѣло стоять на почвѣ юридическихъ нормъ и практическихъ интересовъ. О принципиальной сторонѣ собственно церковной жизни, какъ жизни религіозно-нравственной, здѣсь нѣтъ рѣчи: вопросовъ вѣроученія и правоученія Синодъ совсѣмъ не касается.

Высочайшая резолюція на докладъ Синода, откладывая срокъ созыва собора до болѣе благопріятнаго времени, расширяетъ его цѣль, помимо вопросовъ церковнаго управленія, еще и „для каноническаго обсужденія *предметовъ вѣры*“ (ibid., стр. 1899). Синодальный оберъ-прокуроръ, въ своемъ предложеніи Св. Синоду отъ 28 Іюня 1905 г., подвергая осторожной критикѣ по пунктамъ Синодальный докладъ, указываетъ, согласно Высочайшей резолюціи, *очень важный пробѣлъ* въ перечнѣ Синодомъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію собора. „По прямому смыслу, пишетъ онъ, Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ о созваніи собора каноническому обсужденію его подлежатъ и *предметы вѣры*, о коихъ въ Синодальномъ опредѣленіи не дано никакихъ указаній. Между тѣмъ, и *въ этой обширнѣйшей области предметовъ, относящихся къ познанію, утвержденію и очищенію отъ разныхъ заблужденій православной христіанской вѣры*, также необходима предварительная разработка, при содѣйствіи представителей богословской науки. Далѣе указывается „одинъ изъ такихъ вопросовъ...—это вопросъ о положеніи православной Церкви въ отношеніи къ старообрядцамъ, сектантамъ и иновѣрцамъ“... „Посему желательно было бы, заканчивается предложеніе, предварительно установить, могутъ ли и въ какомъ порядкѣ быть возбуждаемы подобные вопросы“ (Приб. къ Церк. Вѣд. № 45, стр. 1905).

Здѣсь прежде всего нельзя не отмѣтить, что принципиальная сторона церковной жизни, вопросы вѣры впервые выдвигаются свѣтской властью; между тѣмъ какъ наши іерархи въ своемъ докладѣ говорятъ о расширеніи своихъ правъ и власти, о реформѣ чисто вѣншей, юридической, оберъ-прокуроръ, то лице, положеніе котораго въ Церкви признается и неканоническимъ, и тормозящимъ ея жизнь и развитіе, онъ именно выдвигаетъ на видъ обширнѣйшую и важнѣйшую область предметовъ вѣры. При этомъ предполагается, что здѣсь немало предстоитъ дѣла по части „по-

знанія“, „утвержденія“ и даже „очищенія отъ разныхъ заблужденій православной христіанской вѣры“.

Мы не знаемъ, какъ отнеслись въ Синодѣ къ предложенію оберъ-прокурора, подвергали ли его тамъ обсужденію, только это предложеніе черезъ мѣсяцъ разослано было Синодомъ епархіальнымъ преосвященнымъ въ качествѣ приложенія при указѣ Св. Синода, отъ 27 іюля 1905 г. за № 8, каковымъ указомъ поручалось епархіальнымъ преосвященнымъ войти въ сужденіе „по означеннымъ вопросамъ и соображенія свои представить въ Синодъ не позднѣе 1 декабря 1905 г. въ качествѣ матеріала къ предстоящему собору (Приб. къ Церк. Вѣд. № 45, стр. 1905 г.). Довольно неясно, что здѣсь надо разумѣть подъ „означенными вопросами“: вопросы ли только церковнаго устройства и управленія, намѣченные въ докладѣ Синода и подробно перечисленные и комментированные по пунктамъ въ предложеніи оберъ-прокурора; или также вопросы вѣры, о важности которыхъ и необходимости ихъ возбужденія, согласно Высочайшей резолюціи, говорить предложеніе, но которыхъ оно не обозначаетъ и не намѣчаетъ опредѣленно, предлагая опредѣлить ихъ Синоду.

Какъ бы то ни было только въ докладахъ епархіальныхъ архіереевъ Синоду, печатаемыхъ теперь въ Церк. Вѣдом., вопросы вѣроученія совсѣмъ почти не затрагиваются. Случайно или намѣренно, по какимъ либо особымъ соображеніямъ, только епископы эти вопросы оставили совсѣмъ безъ разсмотрѣнія. Считали ли они себя некомпетентными въ обсужденія ихъ, или, б. м., не придавали этой сторонѣ дѣла важнаго значенія, или, наконецъ, руководствовались какими-либо особенными, для насъ оставшимися невѣдомыми, распоряженіями и указами высшей власти,—трудно что либо сказать объ этомъ опредѣленно, но фактъ тотъ, что въ напечатанныхъ въ Церк. Вѣд. епископскихъ докладахъ вопросы вѣры затрогиваются слишкомъ мало и далеко не въ той широкой, хотя и неопредѣленной постановкѣ, которая намѣчена въ предложеніи Оберъ-прокурора, а только по одному частному вопросу объ отношеніи къ нѣкоторымъ инославнымъ исповѣданіямъ (старокатолики, англикане) и нашимъ старообрядцамъ и сектантамъ. Только съ натяжкой можно отнести къ „предметамъ вѣры“ вопросъ о богослу-

женіи, который обсуждается въ нѣкоторыхъ докладахъ подъ этой рубрикой. — Между тѣмъ почти всѣ записки очень подробно и обстоятельно трактуютъ о формахъ церковнаго устройства, управленія и суда, о преимуществахъ патріарха, о правахъ митрополитовъ и т. п. — „Нѣсколько лицъ, пишущъ въ Церковномъ Голосѣ (№ 12, стр. 356), внимательно вчитывавшихся въ отзывы епархіальныхъ преосвященныхъ о церковной реформѣ, замѣтили, что въ этихъ отзывахъ очень ясно обозначилось стремленіе освободить епископовъ отъ свѣтскаго патріаршества — прокуратуры и только... почти только“. Видимо, высшая наша іерархія дѣло церковной реформы и дѣятельности будущаго собора мыслить прежде всего и главнымъ образомъ, если не исключительно, въ направленіи внѣшняго административнаго упорядоченія церковной жизни и расширенія своихъ правъ.

Такое направленіе въ пониманіи церковной реформы, сведенія всей дѣятельности будущаго собора въ рамки юридически-административнаго устроенія церковной жизни, въ концѣ концовъ, видимо совершенно возоблададо въ высшихъ церковныхъ сферахъ. Въ послѣднее время оно было окончательно санкціонировано высшей свѣтской властью въ рескриптѣ Государя м. Антонію отъ 27-го Декабря 1905 г., гдѣ читаемъ: „нынѣ я признаю вполне благовременнымъ произвести *нѣкоторыя преобразованія въ строе* нашей отечественной церкви, на твердыхъ началахъ вселенскихъ канонѣвъ, для вѣщаго утвержденія православія“; и для этой чисто административной реформы указывается созвать соборъ (Церк. Вѣд. 1906 г. № 1, стр. 2). Здѣсь уже ни слова не говорится о предметахъ вѣры, въ обсужденіи которыхъ, на ряду съ вопросами церковнаго управленія, опредѣлялась цѣль собора въ весенней резолюціи (1905 г.) Государя на докладъ Синода; все дѣло церковной реформы и соборнаго обсужденія ограничивается „*нѣкоторыми преобразованіями въ строе*“ нашей церкви, т. е., реформа будетъ частичной, а не коренной и принципиальной, и должна касаться только внѣшняго строя церковной жизни, административнаго и юридическаго устройства Церкви.

Какъ результатъ этого принятаго на верхахъ направленія и предсоборная коммиссія, назначенная для предварительной разработки матеріаловъ къ собору, составлена была кромѣ

іерарховъ, главнымъ образомъ изъ канонистовъ и историковъ. Такимъ лицамъ и книги въ руки по части историческихъ справокъ о формахъ церковной жизни въ разное время, по части каноническихъ нормъ и юридическихъ правъ и преимуществъ. Представителей въ собственномъ смыслѣ богословской науки, о которыхъ говорилъ обер-прокуроръ въ своемъ предложеніи отъ 28 іюня и содѣйствіе которыхъ онъ признавалъ необходимымъ для предварительной работы „въ обширнѣйшей области предметовъ, относящихся къ познанію, утвержденію и очищенію отъ разныхъ заблужденій православной христіанской вѣры“, въ собственномъ смыслѣ богослововъ въ Синодальной предсоборной комиссіи мало; и это, конечно, не случайно, разъ все дѣло церковной реформы рѣшено ограничить „нѣкоторыми преобразованиями въ строѣ“ церковной жизни.

Изъ этого принятаго направленія вытекають и дальнѣйшіе выводы въ ходѣ церковной реформы. На первый планъ выдвигаются каноны, какъ „твердое основаніе“ не только церковнаго строя, но и всей церковной жизни; о христіанскихъ принципахъ нѣтъ и рѣчи, ничего не говорится о завѣтахъ Христа, Его ученіи. Форма поставлена на мѣсто содержанія, каноны замѣнили принципы, буква замѣнила духъ.

Здѣсь мы были свидѣтелями неожиданныхъ явленій. Страстными защитниками буквы каноновъ выступили лица, которыя доселѣ были наиболѣе яркими выразителями того теченія нашей богословской мысли, по которому православіе трактовалось именно какъ система жизни, а не какъ собраніе голыхъ теоретическихъ положеній и юридическихъ нормъ. Это были преосвященный Антоній еп. Волынской и преосвящ. Сергій архіеп. Финляндскій, два наиболѣе видныхъ по авторитету и вліянію, а отчасти и по талантамъ, среди вообще бѣдной талантами нашей высшей іерархіи. Изъ нихъ архіеп. Сергій нѣкогда въ своей магистерской диссертаци („О спасеніи“) настойчиво выдвинулъ и обосновалъ то положеніе, что въ православіи спасеніе создается развитіемъ религіозно-нравственной жизни, при содѣйствіи Божественной благодати, и въ этомъ своемъ качествѣ жизненности и реализма у него православіе рѣшительно противопоставляется чисто юридическому строю и привязанности къ внѣшнимъ фор-

мамъ католичества. Теперь преосв. Сергій ничего иного не хочетъ знать, кромѣ буквы церковныхъ каноновъ. „Мы не хотимъ, заявляетъ онъ, покидать почвы православнаго преданія, мы хотимъ лишь возвращенія къ канонамъ, а не реформаци“. „Книга правилъ“ именуется у него „имѣющей для Церкви силу основнаго уложенія“ (Приб. къ Церк. Вѣд. № 1, 1906 г., стр. 13 и 15), вѣ котораго одно беззаконіе. Такая привязанность къ закону епископа, который прежде настойчиво выдвигалъ въ православіи религіозно-нравственный факторъ въ противоположность юридизму католичества, по меньшей мѣрѣ, есть непослѣдовательность, измѣна своимъ прежнимъ взглядамъ и принципамъ.

Но что является непонятнымъ и страннымъ съ точки зрѣнія теоретической, то вполне ясно и понятно въ виду практическихъ требованій. Преосв. Сергій прекрасно понимаетъ, что православіе доселѣ держалось не духовно-нравственнымъ содружествомъ и принципиальной солидарностью своихъ членовъ. Все здѣсь опредѣлялось и жило внѣшними приказами и по разъ заведенному порядку и традиціямъ. Подъ крышей православной церкви сходились и пока сходятся люди, полярно расходящіеся по своимъ принципиальнымъ взглядамъ. Особенно ясно обнаружилось въ послѣднее время, когда дѣйствительность предъявляла совершенно новые запросы, готоваго и однообразнаго отвѣта на которые у православія не было и сама церковная власть колебалась въ недоумѣніи и молчала. Пока все еще держится въ связи и хотя внѣшнемъ согласіи, но это только временно по обычной нашей склонности къ компромиссамъ и боязни высказаться до конца; а, м. б., тутъ играетъ роль и та черта національнаго характера, которая отразилась въ безнравственной пословицѣ: худой миръ лучше доброй ссоры. Какъ бы то ни было, для всякаго мыслящаго наблюдателя ясно, что съ паденіемъ внѣшняго принужденія и бумажной регламентаціи, а также подъ неотвратимымъ давленіемъ кричащей дѣйствительности, требующей принципиальныхъ отвѣтовъ и губительно дѣйствующей на традиціи, неоднородное въ своемъ существѣ и расходящееся въ принципахъ должно распасться. Этотъ кошмаръ распадѣнія и раскола гнететъ и страшитъ мирныя церковныя души. Съ большой грустью отмѣчаетъ преосв. Сергій, какъ падаетъ довѣріе и

послушаніе епископамъ, что могло бы еще связывать разнородныя единицы. Утопающій хватается за соломинку: наши іерархи, потерявшіе опору въ поставившей ихъ и дискредитированной въ глазахъ народа власти, и все болѣе теряющіе свой авторитетъ въ виду своей бездѣтельности, происходящей отъ безыдейности, ухватились за каноны потому, что имъ *не за что было ухватиться*; и въ этомъ трагизмъ ихъ положенія.

И вотъ мы присутствуемъ при зрѣлищѣ, какъ епископъ, исповѣдывавшій духъ и жизнь, хватается за букву и форму, чтобы найти опору и укрыться хотя бы за развѣнчаннымъ имъ же самимъ идоломъ отъ страшнаго грядущаго. Страхъ здѣсь настолько сильно дѣйствуетъ, затемняя сознаніе, что идеалистъ-христіанинъ, чуждавшійся формы и юридизма, хотя по старой памяти на словахъ и заявляетъ рѣшительно, что соборъ не парламентъ, однако на дѣлѣ хочетъ организовать этотъ соборъ по образу и подобию худшаго изъ парламентовъ, съ подраздѣленіемъ на двѣ палаты, верхнюю и нижнюю, своего рода нижняя—Дума и верхняя—опекающій ее Государственный Совѣтъ; при этомъ раздѣляются ихъ функціи и права такъ, что нижняя палата—смѣшанный соборъ—является только канцеляріей, рабочей комнатою при рѣшающей всѣ дѣла верхней палатѣ—соборъ епископовъ,—своего рода палата господъ. Въ трогательной заботливости о мирѣ и единеніи, совсѣмъ попарламентски, архіеп. Сергій предполагаетъ перенесеніе спорныхъ вопросовъ „на слѣдующую сессію“. Предполагается здѣсь также „агитація и борьба партій“.

Но у нашего автора еще живо представленіе иной жизни, устрояемой на иныхъ принципахъ; его симпатіи въ глубинѣ сознанія на сторонѣ этихъ принциповъ, и если онъ отъ нихъ отступаетъ и преклоняется предъ нѣкогда развѣнчанными кумирами, то только потому, что ему некуда укрыться. „Въ первые вѣка христіанства, пишетъ онъ, каноны не были *нужны* и допускали всякія изыятія“, потому что тогда Церковь изобиловала благодатными дарованіями, „предъ которыми всѣ церковныя власти естественно склоняли головы, *не боясь потерять свой авторитетъ* или нарушить канонъ“ (Приб. къ Церк. Вѣд., 1906 г., № 1, стр. 14). Въ высшей степени цѣнное признаніе! Итакъ, когда то, притомъ въ

наиболѣе цвѣтущую пору своей жизни, Церковь жила и развивалась на иныхъ, не юридическихъ, основаніяхъ, и если теперь намъ „нужны“ каноны, то здѣсь не послѣднее значеніе имѣетъ боязнь церковной власти „потерять свой авторитетъ“. Это уже не идеалы, а просто практика жизни, оправдываемая чисто практическими, а не принципиальными соображеніями; почти — своекорыстное стремленіе сохранить свою власть и авторитетъ. Если обращаются къ попамъ, въ нихъ видятъ опору, то это не потому, что такъ хорошо и послѣдовательно, а просто потому, что опереться болѣе не на что.

Повторяемъ, точка зрѣнія еп. Сергія непослѣдовательна, но она понятна: представляя явное отступленіе отъ прежде исповѣдуемыхъ имъ принциповъ, она объясняется практическими соображеніями въ виду грозныхъ фактовъ дѣйствительности. Онъ еще достаточно искрененъ, чтобы не настаивать на ея абсолютной (на всѣ времена) истинности, на ея принципиальной непогрѣшимости.

Болѣе рѣшителенъ и послѣдователенъ въ своемъ преклоненіи предъ канонами преосв. Антоній еп. Волинскій. Къ особенностямъ характера этой незаурядной личности относится то, что онъ всегда смѣлъ и рѣшителенъ въ своихъ выводахъ: никогда не останавливаясь на полѣдорогѣ, по натурѣ врагъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ, онъ, разъ установивъ извѣстное положеніе, смѣло и рѣшительно проводитъ его до конца, до послѣднихъ выводовъ, не справляясь ни съ чѣмъ.—Въ данномъ случаѣ, остановившись на канонахъ, признавъ ихъ за твердое основаніе нашей вѣры, онъ считаетъ ихъ главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ, приписываетъ имъ не случайный и временный, въ силу обстоятельствъ и условій наличной дѣйствительности, какъ это у преосв. Сергія,—а авторитетъ постоянный и вѣчный, усваиваетъ имъ абсолютное значеніе. Книгу правилъ онъ прямо и рѣшительно ставитъ рядомъ и даже въ нѣкоторомъ отношеніи выше Библіи. „Постановленія св. Апостоловъ и св. семи Вселенскихъ и девяти Помѣстныхъ Соборовъ, пишетъ онъ, есть неизмѣнно дѣйствующее право Церкви, ея высшій законодательный Уставъ, утвердившій и самую св. Библию въ ея настоящемъ составѣ“ (Первая записка еп. Антонія, напеч. въ Бог. Вѣстн., 1905 г., декабрь, стр. 701). Въ

канонахъ содержится то же вѣчное и неизмѣнное богооткровенное ученіе, тотъ же Божій законъ, что и въ св. Библии: каноны „священны“ и неприкосновенны. Задачи каждой помѣстной церкви состоитъ въ томъ, чтобы осуществить въ своей жизни этотъ „Божій законъ, данный о Церквахъ во Св. Библии и въ священныхъ канонахъ“ (ibid., стр. 707). Сущность православія въ томъ, чтобы неуклонно слѣдовать канонамъ: „возставая противъ священныхъ каноновъ“, тѣмъ самымъ („слѣдовательно“) мы возстаемъ „и противъ Православія“.—Теперь, если въ священныхъ канонахъ содержится неизмѣнный и вѣчный Божій законъ, если они „установлены Духомъ Святымъ“ и православіе въ нихъ заключается,—понятно, для нормированія и оживленія церковной жизни ничего иного не требуется, какъ возвращеніе къ канонамъ, возстановленіе ихъ силы и значенія во всей полнотѣ церковной жизни. Въ возстановленіи каноническаго строя церкви весь смыслъ церковной реформы, все значеніе и задача дѣятельности церковнаго собора: „соборъ нуженъ“ прежде всего и главнымъ образомъ „для возстановленія не человѣческихъ, а Духомъ Святымъ установленныхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ каноновъ Церкви“ (ibid., стр. 703). Понятно, при такой точкѣ зрѣнія на каноны всякія стремленія ограничить значеніе каноновъ и тѣмъ болѣе отмѣнить хотя бы нѣкоторые изъ нихъ—значить возставать противъ „чистоты Божественной вѣры“: „измѣнить каноны“ значитъ, „измѣнить самый богоучрежденный строй христіанства“, „отмѣнить и самое Православіе“ (Богосл. вѣстн., стр. 708).

Итакъ твердое основаніе найдено и утверждено прочно и непоколебимо. „Вѣчные и неизмѣнные“ „священные“ каноны—вотъ это незыблемое основаніе. Въ нихъ—„Божій законъ“; это не человѣческія установленія, а установленія Духа Святаго, наставляющаго на всякую истину. Очевидно, здѣсь не должно быть мѣста сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, спорамъ и пререканіямъ. Здѣсь область только „послушанія“ и покоренія“ Божественнымъ глаголамъ. Возстающій противъ каноновъ возстаетъ противъ Духа Святаго, и этотъ грѣхъ не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій: онъ еретикъ и хульникъ Св. Духа.

Дальше этого въ апоѳеозѣ каноновъ идти некуда. Здѣсь сказано все. Недоумѣваемъ только, почему епископъ воын-

скій не предложилъ полагать книгу св. правилъ не на полкахъ библіотеки, а на престолѣ вмѣстѣ со св. евангеліемъ, а то, б. м., и взамѣнъ его. Нельзя не привѣтствовать и новаго открытія въ поискахъ опредѣленія православія. До сихъ поръ всѣ изысканія въ этой области давали больше отрицательный результатъ: православіе чуждо крайностей католичества и протестантства. Отнынѣ православіе отождествляется съ священными канонами: покаяющійся имъ—православный, сомнѣвающийся и, спаси Боже, новаторъ—еретикъ и богохульникъ. Это поистинѣ гениально, просто и опредѣленно. Впервые въ туманной и неопредѣленной области русскаго богословствованія, съ его уклонами то вправо, то влѣво, раздалась такая ясная, прямая рѣчь.

И въ церковной жизни съ этой точки зрѣнія все такъ *просто* и опредѣленно. Есть „уложеніе“ съ вѣчными и неизмѣнными правилами, по которымъ и устроится вся жизнь. Истолковываютъ каноны, проводятъ ихъ въ жизнь, устанавливаютъ порядки особая священныя лица—„владыки“: они властвуютъ, распоряжаются, учатъ... На долю простыхъ вѣрующихъ остается послушаніе и покореніе, въ смиренномъ сознаніи своего безправія и ничтожества. „Благочестивые, смиренные міряне, народъ“, говоритъ преосв. Антоній, „заявить смиренно своимъ владыкамъ: „ваше дѣло учить, а наше—поучаться“ (Бог. Вѣстн., стр. 710). Вотъ соберутся владыки на соборъ, чтобы потолковать о дѣлахъ и порядкахъ, устроеніи церковномъ, чтобы все было правильно, чинно, благолѣпно, чтобы повсюду царствовала вождедѣнная тишина и спокойствіе. Не въ шумныхъ столицахъ, среди сутолики и мятежа современной бурной жизни, а въ какомъ либо спокойномъ городѣ (во второй запискѣ преосв. Сергія архіеп. Финлянд., не говоря уже о Петербургѣ, въ виду послѣднихъ событій, признана неподходящей и Москва, и мѣстомъ собора указывается Новгородъ), подъ сѣнью древнихъ святынь тихо и мирно идутъ засѣданія собора. При доброголасномъ звонѣ колоколовъ, въ безшумныхъ спокойныхъ каретахъ прибываютъ владыки на засѣданія собора. Торжественной медленной походкой идутъ они на свои мѣста, привѣтствуя другъ друга лобзаніемъ мира. Засѣданія начинаются и оканчиваются благолѣпнымъ пѣніемъ священныхъ молитвословій. Въ торжественной обстановкѣ древняго храма,

съ столѣтнихъ стѣнъ котораго смотрятъ строгіе лики святыхъ, въ священныхъ облаченіяхъ и при всѣхъ регаліяхъ возстановляютъ владыки „священные каноны“. Вѣрующіе съ благоговѣніемъ и любовью взираютъ на святителей и терпѣливо ждутъ окончанія соборныхъ дѣяній. Засѣданія собора разнообразятся торжественными крестными ходами, продолжительными благолѣпными богослуженіями... Наконецъ, каноны возстановлены: засѣданія собора окончены, отслуженъ торжественный молебенъ. Владыки разъѣхались по своимъ епархіямъ; разсылаютъ наставленія и распоряженія, направленные къ возстановленію божественныхъ канонѡвъ. Вѣрующіе съ любовью принимаютъ ихъ наставленія, смиренно и благопокорно исполняютъ ихъ распоряженія. Настаетъ миръ на землѣ и благоволеніе въ людяхъ?!

Вотъ тѣ идиллическія мечты, которыя питаютъ наши святители. Забыто здѣсь только одно, что мы живемъ не во времена патріархальныя и что „отеческое попеченіе“, возможное въ семьѣ, съ роковой необходимостью переходитъ въ бюрократическое начальствованіе и во владычнее всевластіе, какъ только становится руководящимъ принципомъ въ жизни общественной, когда переносится въ область взаимныхъ отношеній общественныхъ группъ и классовъ. Патріархальная идиллія обращается въ драму, полную то глухой, то явной борьбы, въ которой на сторонѣ опекаемыхъ постоянно растетъ недовольство и озлобленіе, а безответственные и случайные начальники неизбѣжно должны для поддержанія своей власти и авторитета прибѣгать къ силѣ.

Казалось бы, въ христіанской Церкви менѣе всего можно было возлагать всѣ упованія на внѣшнія формы церковнаго строя и управленія. Религія есть дѣло внутренняго настроенія, ея сфера—интимное содержаніе души. Въ религіозной жизни на первомъ мѣстѣ—принципы и внутреннія элюціи. Христосъ Спаситель съ особенной настойчивостью всегда выдвигалъ необходимость внутренняго возрожденія, психическаго обновленія, и ничего такъ грозно не обличалъ, какъ чисто внѣшней праведности книжниковъ и фарисеевъ, которые свели религію къ внѣшнимъ порядкамъ и юридическимъ формамъ. Поэтому современныя стремленія нашихъ архипастырей свести дѣло церковной реформы къ внѣшнимъ формамъ и каноническимъ правиламъ, если не есть еще

извращеніе религіозной жизни и прямое отступленіе отъ завѣтовъ Христа, то, по крайнемъ мѣрѣ, обнаруживаютъ забвеніе главнаго въ законѣ, выдвигая на первый планъ несущественное и второстепенное..

Въ частности, что касается *каноновъ*, то опираться *только на нихъ* намъ кажется и невозможнымъ и малополезнымъ и еще можетъ привести вмѣсто ожидаемой пользы только вредъ.

II.

Прежде всего никто не можетъ съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что каноны есть нѣчто принципиальное, строго опредѣленное, разъ навсегда данное и неизмѣнное. Каноны не были цѣлью сами по себѣ: они были средствомъ упорядоченія внѣшняго строя церковной жизни для безпрепятственнаго внутренняго развитія этой жизни; они служили къ огражденію церковной жизни отъ злоупотребленій и разныхъ помѣхъ. Значеніе каноновъ—значеніе служебное и практическое. Ихъ появленіе обуславливалось временными обстоятельствами и практическими потребностями исторической жизни Церкви. Поэтому они измѣнялись, отмѣнялись и дополнялись съ органическимъ ростомъ этой жизни въ связи съ условіями пространства и времени.

Итакъ каноны прежде всего явленіе *историческое*, подлежащее перемѣнамъ и развитію; назначеніе же ихъ *служебно-практическое*.

Не то это значить, что каноны безразличны и не имѣютъ важнаго значенія. Въ нихъ слышится голосъ Церкви и въ этомъ отношеніи они имѣютъ все значеніе и важность; но поскольку этотъ голосъ звучить по поводу временныхъ и мѣстныхъ условій церковной жизни, онъ измѣняется съ измѣненіемъ этихъ условій.—Измѣняется не церковное сознаніе всегда остающееся себѣ равнымъ и неизмѣннымъ, а измѣняются церковныя опредѣленія и правила въ связи съ мѣстными и временными условіями церковной жизни. Историческій фактъ тотъ, что каноновъ въ началѣ не было, потому они создавались въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ они возникали; съ прекращеніемъ дѣйствія тѣхъ или другихъ условій отмѣнялись и каноны, какъ не нужные; съ появленіемъ новыхъ

условій измѣнялись старые каноны, какъ не выполнѣ цѣлесообразные и даже не полезные и создавались новые. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ вопросъ о бракѣ епископовъ. Ап. Павелъ въ 1 посл. къ Тимоѳею пишетъ, что епископъ можетъ быть „единныя жены мужъ“ (гл. III, 2). Согласно съ этимъ апостольскимъ наставленіемъ 5-е апостольское правило также допускаетъ женатыхъ епископовъ, запрещая имъ изгонять своихъ женъ „подъ видомъ благоговѣнія“.

Но Трулльскій соборъ, „прилагая попеченіе о преуспѣяніи людей на лучшее“, (правило 12-е) категорически запрещаетъ епископамъ по рукоположеніи продолжать жить съ своими супругами.—Однако допуская въ извѣстной мѣрѣ измѣняемость церковныхъ каноновъ, мы въ то же время категорически должны ограничить предѣлы измѣняемости, не распространяя ихъ на ту сторону, которую каноны обращены къ церковному сознанію, когда они служатъ непосредственнымъ выраженіемъ принципиальной стороны церковной жизни.

Такого рода относительная измѣняемость каноновъ вообще фактъ несомнѣнный и едва ли противъ этого можно спорить. Такъ согласно обстоитъ дѣло, если разсматривать вопросъ въ широкихъ рамкахъ исторической жизни Церкви вселенской. Другое положеніе получается съ точки зрѣнія жизни церкви русской, въ настоящій историческій моментъ ея существованія.

Говорятъ, Церковь русская восприняла отъ древней вселенской Церкви великое наслѣдіе—священные каноны, нормирующие церковный строй въ цѣломъ и во всѣхъ частяхъ. Въ этихъ канонахъ слышится авторитетнѣйшій голосъ Церкви вселенской въ древнюю и лучшую пору ея жизни; въ нихъ православное церковное сознаніе выразилось полно и окончательно по всѣмъ вопросамъ церковной жизни. Поэтому помѣстная русская Церковь не только не вправѣ измѣнять, отмѣнять и дополнять вселенскіе каноны, но это было бы опасно, угрожая чистотѣ православія.

Наиболѣе послѣдовательно и со всѣми доказательствами и выводами этотъ взглядъ, какъ извѣстно проведенъ у преосв. Антонія еп. волин. въ его первой запискѣ Св. Синоду. Канонамъ приписывается здѣсь значеніе абсолютное:

они установлены Духомъ Святымъ „вѣчны и неизмѣнны“ (Бог. Вѣстн., 1905 г., дек., стр. 703). Въ нихъ содержится то же богооткровенное ученіе, тотъ же „Божій законъ“, что и въ св. Библии (стр. 707). Здѣсь явно смѣшивается догматическая и каноническая область, не полагается различія между стороною принципиальной вѣроучительной и юридически-практической. При этомъ въ той и другой области одинаково полагается, что Церковь сказала *свое окончательное и полное* слово на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ.— Другіе болѣе осторожные поклонники каноновъ, не придавая имъ догматическаго значенія, утверждаютъ за канонами всецѣлый юридическій авторитетъ для помѣстной русской Церкви.

Очевидно, въ томъ и другомъ случаѣ по вопросу о реформѣ русской Церкви выводъ получается одинъ: реформа должна состоять въ восстановленіи каноническаго строя Церкви, въ признаніи за канонами неизмѣннаго и обязательнаго значенія.

Но какъ бы мы не утверждали священную важность и неизблемость и юридическую обязанность каноновъ, *только на нихъ однихъ* нельзя обосновать церковной реформы: при осуществленіи реформы необходимо придется коснуться стороны принципиальной, области вѣроученія и идей. Съ одной стороны, едва ли можно утверждать, что въ данныхъ канонахъ выразилась вся полнота церковнаго сознанія по части внѣшняго устройства церковной жизни во всѣхъ частяхъ. Возможны здѣсь такія условія и обстоятельства, которыхъ не знала древняя Церковь и по которымъ необходимо дать новыя правила и указанія. Съ другой стороны, въ древней Церкви въ свою очередь были свои историческія особенности и условія, нашедшія выраженіе въ канонахъ, примѣненіе которыхъ въ наше время было бы и излишне, да и не полезно. Не безъ основанія говорятъ, что предъ буквой каноновъ, если имъ придавать неизмѣнное и священное значеніе, окажется неканоничной, а слѣдовательно въ извѣстномъ смыслѣ и неправославной, вся русская Церковь синодальнаго періода, во всей массѣ ея членовъ съ высшей іерархіи до простыхъ мірянъ. Вѣдь заявилъ же печатно одинъ „иннокъ“, что еписколъ или іерей, принявшій согласно новому закону участіе въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, можетъ

именоваться епископомъ или іереемъ, но „на самомъ дѣлѣ онъ останется только *безблагодѣтельнымъ самозванцемъ*“, ибо по буквѣ 81-го апостольскаго правила онъ, какъ вступившій „въ народныя управленія“ подлежитъ изверженію изъ сана (см. газ. Колоколь, 1906 г., № 44). Или сколько должно быть извержено изъ сана современныхъ іереевъ и отлучено отъ Церкви мірянъ въ силу 11-го правила VI-го вселенскаго, по „книгѣ правилъ“ (собств. Трулльскаго), собора, запрещающаго подъ страхомъ изверженія и отлученія „врачевства“ отъ евреевъ „принимати..... ни въ баняхъ купно съ ними мытися.“

Такимъ образомъ, едва ли возможно въ настоящее время, съ одной стороны, всецѣло удовлетвориться каноническими правилами, созданными въ древнее время, съ другой,—принять и осуществить ихъ во всей полнотѣ и буквальной значеніи: необходимо придется дѣлать дополненія и измѣненія.

Хорошо сознавая эту необходимость, другіе канонисты хотѣли бы понести бремя каноновъ, какъ легкое и удобное, не отождествляя съ ними „преданій человѣческихъ“ (Н. П. Аксаковъ въ рѣчи на первомъ засѣданіи предсоборной комисіи, см. Приб. къ Церк. Вѣдом., 1906 г., № 10, ст. 479). Но эта уступка, допустимость отдѣленія общеобязательныхъ каноновъ отъ „преданій человѣческихъ“,—есть уже крушеніе системы, признающей за *всѣми* канонами общеобязательное и священное значеніе. Спрашивается, какъ же производить отдѣленіе собственно каноновъ отъ „преданій человѣческихъ“? Чѣмъ должно руководиться при этомъ раздѣленіи? Единственно авторитетное и безспорное рѣшеніе вопроса можетъ здѣсь дать только голосъ всей Церкви, на твердыхъ основаніяхъ исповѣдуемыхъ ею принциповъ и идей.

Такимъ образомъ, неизбѣжно приходимъ къ тому выводу, что и въ канонической области исходнымъ пунктомъ и единственнымъ руководящимъ началомъ является обще-церковное православно-христіанское сознаніе въ его вѣроучительномъ, принципиальномъ содержаніи. Въ церковной жизни нельзя обойтись безъ принциповъ и идей и въ области церковной практики, внѣшняго строя жизни, управленія, суда и т. п. Твердое основаніе единства, полноты и стройности церковной организаціи въ единствѣ и полнотѣ вѣроученія,

въ идейной области. Если будетъ согласіе въ области вѣроученія, будетъ единство и въ церковной практикѣ, въ области юридически-практической. При разобщенности религіозной мысли мы будемъ говорить на разныхъ языкахъ, не поймемъ другъ друга и разойдемся. Только ясное общецерковное сознаніе можетъ быть путеводной звѣздой въ лабиринтѣ многообразныхъ частныхъ церковнаго строя, въ массѣ разныхъ постановленій и правилъ. На *мертвой буквѣ* канонѣвъ нельзя реформировать *жизнь* Церкви: источникъ начало и движущая сила церковной жизни въ принципиальномъ содержаніи, въ церковномъ вѣроученіи.

Какъ бы мы ни возвышали священные каноны, какое бы ни придавали имъ важное значеніе, все же прежде всего это *историческіе памятники* прошлаго, которые получаютъ весь смыслъ и значеніе, будучи восприняты и осмыслены обще-церковнымъ сознаніемъ.

Замѣчательный примѣръ всего важнаго и рѣшающаго значенія принципиальной стороны дѣла представляетъ страстный и еще не законченный споръ о правѣ участія низшаго духовенства и мірянъ на соборахъ. Защитники и противники этого права одинаково опираются на каноны и предшествовавшую исторію Церкви и дѣлаютъ совсѣмъ несогласные выводы; оперируютъ въ сущности надъ однимъ матеріаломъ и приходятъ къ претивоположнымъ заключеніямъ. Очевидно, различіе лежитъ не въ канонической области, а въ той точкѣ зрѣнія, съ которой обѣ стороны разсматривали каноны и исторію Церкви. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что одна изъ сторонъ настолько неосвѣдомлена въ вопросѣ и невѣжественна, что совсѣмъ не знаетъ канонѣвъ и фактовъ, разрушающихъ ея теорію; или она должна бы отказаться отъ своей точки зрѣнія, когда ей было указано на эти каноны и факты. Но этого на самомъ дѣлѣ не замѣчается. Очевидно, здѣсь сознаніе неодинаково воспримчиво къ даннымъ канонѣвъ и исторіи: одна сторона дѣла совсѣмъ пропадаетъ изъ поля зрѣнія для одного класса наблюдателей и впечатлѣній не получается. Когда ее ясно поставятъ предъ глазами, она объясняется со своей точки зрѣнія, перетолковывается на свой ладъ. И въ этомъ вся суть дѣла.

Своя точка зрѣнія, могущество принципиальныхъ взглядовъ и предубѣжденій настолько сильно заявляетъ себя

въ людяхъ, что они не только игнорируютъ факты и объективныя основанія, но даже противорѣчатъ себѣ, опровергая противника. Это замѣтно сказалось въ 1-й запискѣ архіеп. Сергія Финлянд., когда онъ высказывается по вопросу о значеніи исторіи въ жизни Церкви, на которомъ онъ то настаиваетъ, когда ему указываютъ изъ жизни древней Церкви на апостольскій соборъ, не имѣющій, по его мнѣнію, для насъ значенія въ виду дальнѣйшаго хода церковной исторіи, и дальше всю исторію, имѣющую для насъ значеніе, почему то ограничиваетъ періодомъ соборовъ, послѣ котораго за дальнѣйшей церковной исторіей онъ уже не признаетъ никакого значенія.

Итакъ, въ идеяхъ вся сила: онѣ нами двигаютъ и руководятъ и при справкахъ въ канонахъ и при объясненіи историческихъ фактовъ.

Въ спорѣ о правахъ блага духовенства и мірянъ люди разошлись именно по различію принципиальныхъ взглядовъ на жизнь Церкви. Одни мыслятъ Церковь, какъ живой организмъ, въ которомъ общая жизнь и развитіе осуществляются путемъ участія всѣхъ членовъ въ жизни и дѣятельности, при чемъ каждый приноситъ свою долю для другихъ и въ свою очередь воспринимаетъ даръ другихъ. Другіе или смотрятъ на Церковь идилически, когда мыслятъ жизнь ея въ формахъ патріархальной семьи, въ которой, съ одной стороны,—отцы и распорядители, со всей властью и непререкаемымъ авторитетомъ, а съ другой,—малыя дѣти, которыхъ надо учить и наказывать; или прямо представляютъ церковную жизнь въ формахъ бюрократически-приказнаго строя, когда на одной сторонѣ полновластные господа и владыки, а на другой— смиренные послушники и исполнители. Если послѣдній взглядъ близокъ къ латинству, то надо имѣть въ виду многовѣковую исторію послѣдняго и его настоящую силу, чтобы отказаться отъ безплодныхъ попытокъ поколебать эту твердыню каноническими справками и даже библейскими цитатами. Центръ полемики долженъ лежать въ идейной области. Въ этой области исторія мертвая книга, сухой пыльный архивъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу о значеніи для насъ прошлой жизни Церкви, ея исторіи. Нельзя не присоединиться къ словамъ Н. П. Аксакова, сказаннымъ на первомъ засѣданіи

предсоборнаго присутствія, что прежде всего нужно имѣть въ виду то „великое прошлое“, единство съ которымъ предстоитъ сохранить цѣлымъ и нерушимымъ. Но признавая все величіе этого прошлаго и всю важность сохраненія съ нимъ единства, мы не должны забывать, что страницы великой книги прошлаго открыты и понятны только для живого церковнаго сознанія. Слепой не пойметъ красоты цвѣтовъ и непросвѣщенному уму ничего не скажутъ полуразрушенные памятники сѣдой старины, или запыленные пожелтѣвшія страницы древней рукописи. Только для церковно-настроеннаго человѣка, проникнутаго православно-христіанскими принципами, прошлая жизнь Церкви не будетъ мертвой книгой, сухимъ, хотя, быть можетъ, и любопытнымъ, музеемъ древностей. Это великая школа, но только для понимающаго ученика. Почти два тысячелѣтія работала „великая пресоборная комиссія“, именуемая исторіей Церкви, и велики ея труды; но чтобы воспользоваться этими трудами, не запутаться въ дебряхъ частныхъ и подробностей, надо умѣть отличать существенное отъ не существеннаго, временное и измѣняющееся отъ неизмѣннаго и вѣчнаго. Словомъ, долженъ быть опредѣленный и единый базисъ, извѣстное постоянное принципиальное содержаніе, исходя изъ котораго мы можемъ воспользоваться великими уроками прошлаго, можемъ расширить, углубить свое пониманіе. Итакъ, связь съ прошлымъ должна быть идейная, принципиальная. Эта только связь настоящая, дѣйствительная и единственно полезная. Безъ этой связи, безъ принципиальнаго единства, будетъ только заимствование мертвыхъ формъ бутафорской внѣшности, а не живое сродство и не реальная связь. Когда года 3—4 тому назадъ наше высшее общество устроило маскарадъ съ переодѣваніемъ въ древне-русскіе костюмы, придворные чины и вельможи черезъ это ничуть не приблизились къ русской жизни XVI—XVII в., и въ боярскихъ костюмахъ современные комергеры и графы были такъ же далеки отъ древне-русской жизни, какъ бритые и стриженные бояре петровскаго времени въ нѣмецкихъ костюмахъ были далеки отъ нѣмцевъ. Заимствование внѣшнихъ формъ не есть возстановленіе связи и единства жизни. Эта связь и единство можетъ быть только въ принципиальной области, на идейной основѣ; иначе будетъ одно механическое заим-

ствоваіе, чисто-внѣшнее сходство. Поэтому признавая всю важность связи съ прошлымъ, думаемъ, что единственно дѣйствительная и плодотворная связь должна быть *по духу*, а не *по буквѣ*, не черезъ копированіе старинныхъ формъ, а черезъ оживленіе постоянныхъ принциповъ церковной жизни. Только въ принципиальной области можетъ быть установлена дѣйствительная, реальная связь съ прошлымъ, о чемъ такъ много и почти исключительно заботятся.

Итакъ рѣшительно невозможно обосновать церковную реформу на буквѣ каноновъ, нельзя ограничиваться возстановленіемъ формъ давнопрошедшаго.

Съ другой стороны, это было бы задачей не только *невыполнимой*, но и *малополезной*.

Церковная реформа предпринимается не для установленія связи съ прошлымъ: она вызвана потребностями настоящаго времени. Измѣнившіяся условія положенія православной Церкви съ объявленіемъ свободы совѣсти, а также новые запросы, предъявляемые православію въ виду современнаго общественнаго движенія,—все это требуетъ оживленія церковной жизни и усиленной дѣятельности, если Церковь желаетъ сохранить хотя отчасти руководство въ духовной жизни русскаго народа, уже въ значительной степени ею утраченное. Обращеніе къ прошлому имѣетъ *служебное* значеніе для достиженія главной цѣли—устроенія спасенія людей, ихъ религіозно-нравственнаго возрожденія, какъ служебное значеніе для этой главной цѣли имѣютъ и формы церковнаго управленія, и регулирующіе ихъ каноны. „Историкамъ церкви и представителямъ богословскаго знанія, говоритъ проф. Н. К. Никольскій, неприлично заявлять, что въ *способѣ управленія* (курсивъ подлинника), хотя бы и узаконенномъ канонами, они видятъ вѣрный выходъ изъ современнаго состоянія церкви. Академія должна заявить (статья представляетъ изъ себя записку, частную въ собраніи профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ маѣ 1905 г.), что если церковь рѣшила начать свою жизнь чрезъ примѣненіе стародавнихъ принциповъ церковной жизни, то въ томъ только случаѣ оно можетъ привести къ упорядоченію и нормальному ходу ея, если оно прежде всего будетъ предназначено къ сохраненію истиннаго духа евангельскихъ требованій, и если только ради этого предстоящія перемѣны

будутъ сообразованы по мѣрѣ возможности съ канонической буквой“ (Христ. Чт., 1906 г., февраль, стр. 181). Или вотъ что пишетъ такой безспорный авторитетъ, какъ покойный славный профессоръ С.-Пб. Духовной Академіи В. В. Болотовъ. „Думаю, что нѣтъ болѣе несправедливости, какъ реприсиная форма давнопрошедшаго... Та реформа, которая дѣйствительно *отвѣчаетъ потребностямъ даннаго времени и оправдала себя фактически хорошими результатами*, — и есть реформа истинно каноническая, не имѣй она за себя даже ни единого прецедента. Исторія есть только полезный архивъ, никакъ не сводъ законовъ. Суббота человѣка ради бытъ; а не человѣкъ субботы ради“. Эти замѣчательныя слова покойнаго ученаго, къ удивленію, напечатаны въ официальномъ органѣ нашей правящей церкви (Прибавл. къ Церк. Вѣдом., 1906 г., № 3, стр. 100), которая, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ монашествующей іерархіи, совсѣмъ несклонна такъ умалять значеніе каноновъ и совсѣмъ далека отъ радикализма въ церковной области. Въ то время, какъ одни изъ нашихъ іерарховъ придаютъ канонамъ священное и догматически-неизмѣнное значеніе, а другіе усваиваютъ имъ непоколебимый юридическій авторитетъ, — по взгляду покойнаго профессора, „каноническое“ въ обычномъ словоупотребленіи есть равнозначущее понятію: согласное съ позднѣйшею практикою Константинопольской церкви“, а не древнѣйшее и общепринятое, тѣмъ менѣе, конечно, догматически-неизмѣнное и юридически-обязательное. Разныя помѣстные церкви допускали значительныя особенности внѣшняго строя, регулируемаго канонами, и вообще древняя Церковь не чуждалась „радикализма“ въ этой области. Если уже стремиться во что бы то ни стало возстановить древнія формы церковной жизни, то болѣе подходящими для русской церкви авторитетный ученый считаетъ древнѣйшія формы церковнаго устройства нѣкоторыхъ церквей, напр., Кареагенской, а не Константинопольской, и слѣдовательно нормами для нашей церкви будутъ не „каноническія“ нормы въ общепринятомъ смыслѣ, а нѣкоторыя иныя.

Итакъ, увлеченіе внѣшними формами церковной жизни прошлаго вообще и канонами въ частности нельзя оправдать ни принципіальными соображеніями, ни научными данными и ссылкой на авторитеты. Возстановленіе полной силы ка-

ноновъ *невозможно практически и бесполезно* съ точки зрѣнія современнаго положенія русской церкви.

Даже въ сравнительно узкой области каноны мало полезны: они не могутъ оправдать возлагаемыхъ на нихъ со стороны нашей высшей іерархіи надеждъ и упованій.

Въ существѣ дѣла наши іерархи хотятъ утвердить священную важность и безусловную обязательность *только* за тѣми канонами, которыми утверждается ихъ власть и господствующее положеніе въ Церкви. Предполагается, что все зло церковной жизни, пресловутый „параличъ“ Церкви идетъ отъ Петра, является слѣдствіемъ совершенной имъ церковной реформы, извратившей каноническія нормы церковной жизни, въ которыхъ жила русская церковь 6 слишкомъ вѣковъ, заимствовавъ ихъ отъ Византіи. На мѣсто богоустановленной епископской власти въ Церкви поставлена была власть свѣтскихъ лицъ, чиновниковъ, которые не только поставлены были рядомъ съ іерархами, но въ лицѣ синодальнаго оберъ-прокурора фактически властвовали и надъ владыками. Конечно, это не канонично и несогласно съ нормами церковной жизни. Но кромѣ недопустимости свѣтскаго, чиновническаго властвованія въ Церкви, каноны утверждаютъ еще нѣчто иное, предъ судомъ чего окажутся неканоничными и другія, кромѣ чиновническаго властвованія, стороны церковной жизни и, кромѣ синодальнаго оберъ-прокурора, другія лица, не исключая и самихъ архіереевъ. Напр., едва ли можетъ служить къ утвержденію положенія нашихъ іерарховъ строгое примѣненіе 29 и 30 апостольскихъ правилъ, по которымъ всякій епископъ, получившій сіе достоинство „денгами“ или „мірскихъ начальниковъ употребивъ“, подлежитъ изверженію и даже отлученію. По церковнымъ канонамъ, епископы должны быть *выборными*, а не *назначенными* свѣтской властью, иначе поставленіе считается недействительнымъ. (Антіох. Соб., пр. 19, 23; Лаодик., 12 и др). Такого рода каноны, очевидно, скорѣе могутъ явиться камнемъ преткновенія и вызвать крушеніе всякаго авторитета нашихъ владыкъ, ставя подъ сомнѣніе законность и дѣйствительность ихъ поставленія. Отсюда предъ нашими іерархами въ существѣ дѣла также дилемма: или послѣдовательное и строгое выполненіе каноновъ для полнаго устраненія всей скверны неканоничности въ современной обстановкѣ

жизни русской церкви, во всѣхъ ея частяхъ, до замѣны назначенныхъ епископовъ выборными; или—*приспособленіе* самихъ канонѣвъ къ условіямъ современной жизни. Также обоюдоострымъ оружіемъ является и восстановление каноническихъ нормъ русской церкви до-петровскаго времени, когда у насъ царилъ Кормчій. Проф. Н. К. Никольскій, еще въ мартѣ 1905 г. настойчиво предостерегавшій отъ односторонняго увлеченія внѣшними формами и буквою канонѣвъ (Новое время, 1905 г., № 10439), пишетъ: „нельзя... ввести въ жизнь Кормчую во всемъ ея объемѣ уже потому, что сами іерархи этого не захотятъ: иначе имъ пришлось бы на основаніи Кормчей и себя отлучить, и всю паству до послѣдняго человѣка“ (Христ. Чтеніе, 1906 г., II, 201).

Такимъ образомъ, „возвращеніе къ канонамъ“, возстановленіе во всей полнотѣ ихъ силы и значенія едва ли въ интересахъ даже нашей правящей іерархіи; во всякомъ случаѣ это оружіе обоюдоострое и вмѣсто ожидаемой пользы можетъ еще вызвать новыя недоумѣнія и опасности для колеблющагося авторитета церковной власти.

Дѣло оказывается далеко не такъ просто какъ кажется на первый взглядъ и требуетъ углубленія и принципиальнаго обоснованія. Кажется, это теперь почувствовали и наиболѣе страстные поклонники канонѣвъ, усвоившіе имъ и догматическую неизмѣнность, и обязательный авторитетъ, и на нихъ однихъ думавшіе обосновать дѣло церковной реформы. По крайней мѣрѣ, самый рьяный поклонникъ канонѣвъ преосв. Антоній еп. волынскій во второмъ засѣданіи предсоборнаго присутствія (11 марта) предлагалъ идти среднимъ путемъ, съ одной стороны, сохраняя древнія формы церковнаго управленія, опредѣляемыя канонами, съ другой стороны, не оставляя, безъ вниманія главной цѣли существованія Церкви—нравственнаго усовершенія ея членѣвъ (Приб. къ Церк. Вѣдом., 1906 г., № 11, стр. 548—549).

Если же наши іерархи, у которыхъ однихъ, кажется, дѣйствительно были достаточныя и понятныя побужденія приписывать канонамъ священную важность и юридическую обязательность, начинаютъ сознавать недостаточность внѣшнихъ формъ и малополезность и даже опасность преклоненія предъ буквою канонѣвъ,—то для всякаго, безкорыстнаго и искренне жаждущаго дѣйствительнаго „обновленія“, цер-

ковной жизни, предстоитъ забота поискать иныхъ, кромѣ канонѡвъ и внѣшнихъ формъ, и средствъ для дѣла церковной реформы. Даже чисто внѣшняя, каноническая реформа церковнаго строя и управленія не можетъ быть совершена безъ принципиальнаго обоснованія: тѣмъ болѣе необходимо оживленіе принципиальной стороны церковной жизни для главной цѣли существованія церкви Христовой,—созиданія спасенія людей, ихъ духовнаго возрожденія и чисто психическаго обновленія.

Отсюда оживленіе и разработка христіанскихъ приступовъ, церковнаго вѣро-нраво-ученія, не только дѣло практической необходимости, но и невозможности обойтись безъ нихъ, и есть первая и главная обязанность Церкви, такъ какъ въ этомъ первое и главное въ законѣ, а внѣшнія формы и канѡны имѣють второстепенное и служебное значеніе для этой главной цѣли.

Для русской же церкви эта обязанность является неотложной и особенно настоятельной въ виду особенностей ея историческаго бытія и чрезвычайныхъ условій настоящаго момента ея жизни.

III.

Мы не должны закрывать глаза на надвигающіяся событія и трусливо прятаться въ виду грозящей опасности. Наше время—время революціонное. Революція состоитъ не только въ замѣнѣ однихъ властей другими, одной формы правленія—другой; у насъ она глубоко захватываетъ и другія области жизни, кромѣ политики, не исключая и жизни религіозной. Можно сказать во всѣхъ областяхъ происходитъ переоцѣнка цѣнностей, такъ какъ критеріи для оцѣнки измѣнились. Если прежде все цѣнилось по официальной регламентации, въ силу традиціи и довѣрія къ власти, то теперь одного официального клейма далеко недостаточно. Прежде значеніе человѣка опредѣляли по его званію и занимаемому имъ положенію; теперь, не довольствуясь опредѣленіемъ: кто онъ? еще задають вопросъ: что онъ даетъ для другихъ? какую пользу приноситъ? Оцѣнка происходитъ не съ точки зрѣнія официального положенія и традиціонныхъ представленій; значеніе званій и лицъ опредѣляется въ силу реальной ихъ стоимости, съ точки зрѣнія дѣйстви-

тельно приносимой ими пользы. При такомъ критическомъ отношеніи одна за другой завѣса падала съ глазъ довѣрчиваго обывателя; многое предъ неподкупнымъ судомъ жизни оказалась совсѣмъ несоотвѣтствующимъ своему званію и положенію, и оффиціальныя печати, пышныя одежды и блестящіе флаги безжалостно вырываются изъ рукъ ихъ недостойныхъ носителей.

Пока революція совершается болѣе въ теоретической области: на практикѣ все остается пока по-старому, такъ какъ пока еще выяснилось соотношеніе силъ. Господство силы понятно и естественно въ области государственной жизни. Не то въ жизни церковной: здѣсь теорія стоитъ ближе къ практикѣ, переоцѣнка въ принципиальной области не должна встрѣчать препятствій къ обнаруженію на практикѣ соотвѣтствующими результатами, такъ какъ въ области вѣры недопустимо насилие и принужденіе. Поэтому теоретическій критицизмъ въ Церкви представляетъ большую опасность произвести соотвѣтственные измѣненія и въ церковной практикѣ, такъ какъ въ церковной жизни теоретическія убѣжденія, при свободѣ совѣсти, не встрѣтятъ особенныхъ препятствій къ реализаціи, какъ это бываетъ въ жизни государственной.

Переоцѣнка цѣнностей въ Церкви, несомнѣнно, начинается: ея ясныя признаки на лицѣ.

Церковь наша привыкла жить только традиціей и преданіями; главная масса вѣрующихъ по привычкѣ исповѣдовала извѣстныя положенія и исполняла указанныя правила. Принявъ христіанство отъ грековъ, мы берегли его какъ святыню отъ порчи и въ этомъ видѣли все наше призваніе. Мы, какъ ревнивые приставники музея древностей, заботливо берегли наши сокровища отъ порчи и расхищенія, но эти памятники творчества прошлаго не послужили исходнымъ началомъ нашего оригинальнаго творчества. Какъ въ упорядоченномъ архивѣ у насъ все было разставлено по полкамъ, опредѣлено и зарегистрировано, но собранное богатство было мертвымъ капиталомъ, безплоднымъ для жизни. И это отсутствіе всякаго движенія мы непрочь были отождествить съ сущностью православія. Мы гордимся тѣмъ, что стоимъ на одномъ мѣстѣ; всякое движеніе въ религіозной области приравнивалось къ ереси и расколу, трактовалось,

какъ плодъ кичливаго, человѣческаго ума, несклоннаго къ послушанію вѣры. Католичество и протестантство вслѣдствіе этого уклонились отъ древняго православія и мы гордились, что устояли противъ этого соблазна. Забывали мы одно, что не велика заслуга—устоять отъ паденія, уклоняясь отъ всякаго движенія. Мы были чужды крайностей католичества и протестантства главнымъ образомъ потому, что „мы почти вовсе не богословствовали“. Въ дѣлахъ вѣры у насъ предписывалось, какъ писалъ соборъ 1554 г. Дьяку Висковату: „впредь тебѣ сомнѣніе не имѣть и не разсуждать и... ни испытывать“ (Христ. Чт., 1906 г., февр., стр. 191). „Христіанство“, говоритъ проф. Н. К. Никольскій, у насъ „понимаютъ не какъ живое творческое начало религіозной жизни, а какъ совокупность законченныхъ по своему содержанію предписаній“ (Христ. Чт., 1906 г., февр., стр. 197), и всякое уклоненіе или добавленіе къ этимъ предписаніямъ было подъ утрозою анаемы.—Неподвижность и косность, — основная причина такъ называемаго „паралича“ Церкви,—стали догматомъ нашей церковной жизни.

„Но догматъ сей, сказано въ передовой статьѣ Церковнаго Голоса (1906 г., № 12, стр. 355), разошелся съ закономъ жизни, ибо послѣдній есть движеніе“.

Пока еще культурная и гражданская жизнь Россіи была неразвита, неподвижность Церкви не была такъ замѣтна и особенно опасна. Донинѣ еще въ патріархальныхъ уголкахъ приходскій храмъ удовлетворяетъ всѣ, не только религіозныя, но и интеллектуальныя, и художественныя потребности жителей. Здѣсь младенчество Церкви стоитъ въ уровень съ младенчествомъ культуры общества,—и Церковь болѣе или менѣе удовлетворяетъ своему назначенію.

Но такихъ уголковъ становится все меньше и меньше, и недалеко то время, когда они совершенно исчезнутъ. Императоръ Петръ Вел. своей мощной рукой двинулъ Россію изъ патріархальнаго періода въ условія культурнаго существованія, и вотъ уже 200 лѣтъ живетъ и развивается наша родина на пути культуры. Культурное и просвѣтительное движеніе требовало соотвѣтствующаго движенія и религіознаго творчества въ Церкви, но Церковь оставалась неподвижно въ роли охранительницы древняго православія. Принципы до-петровскаго православія были уже въ значительной

степени изжиты и многихъ не удовлетворяли, но взамѣнъ ихъ не создано было ничего, да и особой твердости въ старинѣ уже не замѣчалось. „Въ теченіе синодальныхъ столѣтій, говоритъ проф. Н. К. Никольскій, церковь была въ разслабленіи, которое происходило отъ отсутствія путеводныхъ задачъ и идеаловъ, послѣ того какъ прежніе критеріи вѣры поколебала западная наука. Принципы до-Петровскаго правовѣрія расшатывались, а взамѣнъ ихъ не появилось ничего опредѣленнаго: церковь мечтала о старинѣ, не желала порвать съ ней традицій, но не боролась за древнее православіе, а постепенно отступала отъ него, подчиняясь ходу исторіи: она жила апатично, потому что жила безпринципно“ (Хр. Чт., 1906 г., февр., стр. 201). Все больше и больше обнаруживался разладъ между апатичными и косными представителями Церкви и передовымъ обществомъ. Въ этой постоянной то глухой, то явной борьбѣ Церковь уступала одну позицію за другой и постепенно вытѣснялась изъ разныхъ областей жизни (наука, искусство, литература) дружными усиліями такъ называемой „невѣрующей интеллигенціи“. На одной сторонѣ было все молодое, энергичное, сильное наукой, знаніемъ и талантами; эта сторона непоколебимо шла впередъ подъ флагомъ тысячелѣтной культуры, подъ знаменемъ свободы и прогресса, одушевляемая идеей всеобщаго братства и счастья. Церковь слабо и вяло защищалась и все отступала. Она не хотѣла или не умѣла войти въ соглашеніе съ новыми идеями, претворить ихъ въ себѣ, раздвинуть свой узкій міръ и поднять свою жизнедѣятельность притокомъ свѣжихъ силъ. Только изрѣдка и то какъ то вяло и неохотно прибѣгали къ старому грозному средству—анафеме, которое однако совсѣмъ уже не было грозно. Даже въ полемикѣ съ раскольниками и сектантами Церковь не проявляла пламенной ревности и твердой увѣренности: эти качества мужественнаго исповѣданія были на сторонѣ носителей новыхъ ученій.

Творческія живыя силы и въ религіозной области, не находя мѣста въ Церкви, направили свою дѣятельность въ другую сторону. Общество стало удовлетворять свои религіозныя потребности самостоятельно, помимо церковнаго руководства. Рядомъ съ православіемъ возникала „новая вѣра“ и устроила свой храмъ, на фронтонѣ котораго была надпись:

„христіанство и культура“. Въ свой пантеонъ она помѣстила дѣятелей науки, искусства, героевъ культуры, и широко раздвинула стѣны своего храма для всякаго мыслящаго, культурнаго работника, согрѣтаго религіозной идеей преклоненія предъ верховнымъ Разумомъ жизни. Эта „новая вѣра“ не отрицаетъ историческаго христіанства, признаетъ его необходимымъ моментомъ въ религіозномъ развитіи человѣчества, заимствуетъ отъ него нѣкоторые элементы и въ концѣ концовъ замѣняетъ его новой „религіей Духа“. У ней свои подвижники—мученики науки и культуры, свои жрецы—геніи и герои человѣчества. Глашатаи этой религіи у насъ обрекаютъ на смерть православіе, указывая на его пассивность и безжизненность, какъ В. В. Розановъ; требуютъ „вырвать“ религіозное воспитаніе „изъ рукъ жречества“, какъ Меньшиковъ; грозно приглашаютъ Церковь послѣдовать за ихъ ученіемъ, заявляя „теперь или никогда“, какъ Мережковский.

Эта религіозная проповѣдь опасна для Церкви, чѣмъ индефференцизмъ и невѣріе, потому что она грозитъ оторвать отъ церковной вѣры самое цѣнное въ религіозномъ отношеніи—живыя вѣрующія души.

До послѣдняго времени можно было утѣшать себя надеждой, что это только незначительная часть общества, главная масса народа остается въ Церкви, непоколебима въ православіи. Кромѣ того, была защита въ сильной государственной власти, подъ покровомъ которой многимъ можно было жить припѣваячи безъ труда и талантовъ. Эта защита окупалась слишкомъ дорогой цѣной закрѣпощенія и рабства; государство игнорировало существеннѣйшіе интересы Церкви, пользовалось ея идеями для освѣщенія своего всевластія, а ея богослуженіе низвело въ рядъ манифестацій своего величія, на подобіе смотровъ и парадовъ.

Теперь защита государства отходитъ отъ Церкви: власть переходитъ въ руки интеллигенціи, которая незаинтересована въ поддержкѣ православія. Уже теперь закономъ 14 марта 1906 г. введено по дѣламъ о вѣрѣ въ дѣйствіе Уложеніе 1903 г., по которому дозволяется переходъ изъ православія въ другія исповѣданія и секты, отмѣняется обязательное говѣніе...

Надежда найти опору въ народѣ, въ широкихъ кругахъ

общества все падаетъ. Это ясно обнаружилось въ нынѣшнее освободительное движеніе, которое было роковымъ для многихъ доселѣ признаваемыхъ величинъ. Здѣсь мы вступаемъ въ такую область, гдѣ еще до сихъ поръ идетъ страстная борьба между разными партіями и классами общества, атмосфера насыщена электричествомъ гнѣва и страстей. Тутъ неизбѣжны рѣзкости и преувеличенія, несправедливыя нападки и обвиненія. Тѣмъ не менѣе для Церкви, поскольку она живетъ въ предѣлахъ земного существованія и въ обстановкѣ историческаго процесса, необходимо считаться съ новыми требованіями и запросами, хотя бы предлагаемыми въ рѣзкой формѣ, необходимо учитывать тѣ нападки и обвиненія, которыя идутъ со стороны, такъ называемыхъ прогрессивныхъ круговъ общества, дѣятелей „новой Россіи“. Освободительное движеніе возникло не вдругъ и неслучайно, оно явилось не по прихоти и кознямъ нѣсколькихъ лицъ или извѣстной партіи. Это движеніе подготовлялось давно всѣмъ складомъ жизни русскаго народа, оно является завершеніемъ цѣлаго историческаго процесса, есть въ извѣстномъ отношеніи дѣло исторической необходимости. Игнорировать его было бы близорукой оплошностью. Мы переживаемъ переходное время, стоимъ на поворотной точкѣ исторіи. Почти всѣ государства въ свое время переживали такую переходную эпоху. Формально, перемѣна заключается въ томъ, что „новое“ идетъ на смѣну „старому“, „новые“ порядки и „новые“ дѣятели занимаютъ мѣсто прежнихъ. Реально, наша родина переходитъ отъ чиновническаго всевластія и господства немногихъ (бюрократизмъ и аристократизмъ) къ гражданской свободѣ и равноправному участию всѣхъ гражданъ въ государственной жизни при посредствѣ выборныхъ „лучшихъ людей“, по опредѣленію Государя Императора, „довѣріемъ народа облеченныхъ“ (народоправство и демократизмъ). Будущее принадлежитъ этой „новой“ нарождающейся Россіи. Какъ бы то ни было, Церкви нельзя не считаться съ запросами и чаяніями „новой Россіи“.—Извѣстный французскій ученый и публицистъ проф. Леруа Больё, мысли котораго изложены С. Троицкимъ въ официальномъ органѣ нашей Церкви, рассматривая вопросъ о нерѣдкой враждебности демократіи къ христіанству, объясняетъ это явленіе не принципиальными разногласіями между ними, а только извѣ-

стными историческими условіями (Приб. къ Церк. Вѣдом., 1906 г., №№ 13—14, статья: „Христіанство и демократія“, стр. 675—680). Между этими причинами не послѣднее мѣсто занимаетъ „характеръ пріема, оказаннаго появившейся въ Европѣ демократіи христіанскими церквами или клиромъ этихъ церквей“ (стр. 677). „Клиръ, почти повсюду, начиная съ Франціи, составлялъ государственное сословіе и сословіе первое въ государствѣ. Съ ниспроверженіемъ прежняго порядка потрясало все его матеріальное и нравственное положеніе и такимъ образомъ къ идейнымъ причинамъ вражды къ новому строю у клира присоединялись причины личные, матеріальныя и неудивительно, что большинство духовенства стало смотрѣть на демократію, какъ на врага, съ которымъ миръ невозможенъ“ (стр. 678). Такимъ образомъ мы видимъ, что иногда въ исторіи гибельная для государства и Церкви враждебность двухъ *благодѣтельныхъ* и по существу не враждебныхъ началъ жизни обуславливается болѣе или менѣе случайными историческими обстоятельствами и, въ частности, нѣкоторой косностью и неподвижностью клира, непониманіемъ и игнорированіемъ съ его стороны общецерковной пользы, во имя своихъ интересовъ. Вслѣдствіе этого Франція доселѣ страдаетъ отъ этой гибельной для государства и по меньшей мѣрѣ бесполезной для Церкви вражды, въ то время какъ христіанство и демократія мирно уживаются въ другихъ странахъ, напр., въ Америкѣ, Швейцаріи, Бельгіи, какъ „и у насъ на Руси древнее „народоправство“ въ Новгородѣ и въ другихъ мѣстахъ прекрасно уживалось съ православіемъ“ (стр. 677); и эта мирноуживчивость нисколько не служила и не служитъ ко вреду христіанства и Церкви.—Это свидѣтельство расположеннаго къ христіанству писателя и урокъ исторіи должны побудить нашихъ церковныхъ дѣятелей, по крайней мѣрѣ, не относиться къ освободительному и въ глубокихъ корняхъ демократическому движенію *только съ отрицаніемъ*. Не слѣдуетъ даже подавать повода думать, что въ отрицательномъ и огульно враждебномъ отношеніи представителей Церкви къ освободительному движенію дѣйствуютъ не столько принципіальныя соображенія и идейныя стремленія, сколько своекорыстное желаніе сохранить свои права и привилегіи. Не будемъ даже говорить о сочувствіи или несочувствіи этому движенію, *но со*

вниманіемъ къ нему отнестись должно. Во всякомъ случаѣ это сила, увлекающая многихъ, и христіанство, призванное побѣдить міръ и обновить лице земли, должно считаться со всякимъ движеніемъ, которое увлекаютъ массы и общаетъ довольство и счастье. Высоко-гуманный и чисто христіанскій принципъ: *audiat et altera pars*, долженъ имѣть мѣсто въ Христовой Церкви. Истина не должна бояться шумныхъ обвиненій и крикливой лжи и правда не падеть отъ несправедливыхъ нападокъ и гнѣвныхъ криковъ. И если необходима борьба, она должна происходить при полномъ свѣтѣ; быть можетъ при взаимной искренности и разъясненіяхъ, будетъ возможно и благодѣтельное примиреніе.

Audiat et altera pars! Надо со вниманіемъ прислушаться, какія требованія и запросы предъявляютъ Церкви дѣятели „новой“ Россіи, чѣмъ они недовольны въ ея дѣятельности и въ чемъ ее обвиняютъ. Заранѣе надо предвидѣть, что въ этихъ требованіяхъ и запросахъ, нападкахъ и обвиненіяхъ, немало будетъ рѣзкаго, гнѣвнаго, преувеличеннаго, а подчасъ и несправедливаго. Но, повторяемъ, Церковь, поскольку она живетъ и дѣйствуетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, должна со всѣмъ этимъ считаться.—Мы хотѣли бы быть безпристрастны и, не заявляя ни сочувствія ни вражды къ освободительному движенію, только возможно объективно свидѣтельствуемъ фактъ *расхожденія* на почвѣ этого движенія *между большинствомъ представителей Церкви и широкими кругами общества*. Данныя для константированія этого факта мы заимствуемъ изъ періодической печати прошлаго и настоящаго года, печати, такъ называемаго, либеральнаго направленія. Получаемая вслѣдствіе этого нѣкоторая односторонность объясняется не столько личными симпатіями или антипатіями автора, сколько существомъ поставленной имъ себѣ задачи. Съ другой стороны, либеральная печать въ наше время заняла господствующее положеніе и заполонила собою все, и какъ сама является отраженіемъ господствующихъ теченій въ обществѣ, такъ въ свою очередь вліяетъ на взгляды этого общества. Поставивъ для себя задачей освѣтить отношеніе къ Церкви либеральныхъ и круговъ общества, мы, естественно, пользуемся печатью этого направленія. Что касается рѣзкости нѣкоторыхъ отзывовъ и несправедливости иныхъ обвиненій, то здѣсь у насъ во всякомъ случаѣ будетъ при-

ведено не болѣе того, что чуть не ежедневно можно было читать на страницахъ газетъ и журналовъ. Кто имѣлъ возможность и интересъ слѣдить за періодической печатью прошлаго и настоящаго года, тотъ пойметъ, что краткія и болѣе или менѣе общія приводимыя нами ниже указанія можно бы было иллюстрировать цѣлыми страницами выписокъ изъ газетъ и журналовъ, въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ.

Итакъ, какъ же опредѣлились отношенія Церкви, въ лицѣ большинства ея представителей, и извѣстныхъ круговъ общества на почвѣ освободительнаго движенія?

Масса народа еще по привычкѣ вѣрила Церкви и ждала ея слова по поводу великихъ событій. Въ сознаніи широкаго общества освободительное движеніе все болѣе опредѣлялось, какъ дѣло правды, какъ подвигъ любви къ труждающимся и обремененнымъ, „подъ девизомъ свободы, равенства и братства“. Нѣкоторые, замѣчая, что „этотъ девизъ сроденъ духу христіанскаго ученія“, надѣялись, что представители Церкви „признаютъ *своимъ* (курсивъ подлинника) все то доброе и свѣтлое, что есть въ современномъ освободительномъ движеніи“. Отмѣчая внутри самой Церкви начавшееся пробужденіе „духа жизни“, надѣялись, что Церковь будетъ дѣйствовать „вкупѣ со всѣми созидательными силами русскаго общества, со всѣми тѣми православными, инославными и невѣрующими, которые, хотя бы и не вѣдая Христа, осуществляютъ дѣло любви Христовой на землѣ“ ¹⁾. Другіе были настроены болѣе пессимистически въ отношеніи Церкви; съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и опасеніемъ ожидали, что-то еще скажетъ „наша казенная церковь“. „А что“, задавалъ вопросъ въ апрѣлѣ прошлаго года одинъ извѣстный публицистъ, если представители Церкви „начнутъ—или вѣрнѣе, поощренныя кн. Трубецкимъ, будутъ продолжать—вести „активную борьбу“ противъ „святелей“ Некрасова и примутся „изгонять бѣсовъ“ Достоевскаго?“ ²⁾.

¹⁾ См. Право, 1905 г., 15 апрѣля, № 15, статья кн. Евг. Трубецкаго (нынѣ члена предсоборнаго присутствія): Церковь и современное общественное движеніе.

²⁾ Право, 1905 г., 24 апрѣля, № 16, статья П. Милюкова, извѣстнаго профессора и общественнаго дѣятеля, одного изъ основателей и вождей кадетской партіи: Евгений Трубецкой и пробужденіе Церкви.

Что же Церковь? Оправдала она возлагавшіяся на нее свѣтлыя надежды, или напротивъ, подтвердила самыя тревожныя ожиданья? Кажется, ни то, ни другое, но она не удовлетворила многихъ. Въ сознаніи одинаково ея друзей и недоброжелателей, хотя и по различнымъ основаніямъ, она оказалась не на высотѣ своего призванья—быть духовной руководительницей общества. Лица, сочувствовавшія Церкви и ждавшія отъ нея живаго и сильнаго слова, недовольны были ея молчаніемъ и неподвижностью въ великіе моменты жизни. Если же Церковь изрекала свое слово, то, по ихъ мнѣнію, она говорила слишкомъ нерѣшительно, безжизненно, по-казенному неопредѣленно и даже двусмысленно, такъ что трудно было понять, исполняетъ ли она завѣты Христа, или только приказанія начальства. Съ сожалѣніемъ и грустью замѣчали здѣсь, что представители Церкви привыкли ходить впереди мертвыхъ, а не впереди живыхъ. Свободная пресса отмѣчала и учитывала всѣ явленія, даже случайные промахи и ошибки представителей Церкви. Въ свое время въ печати было отмѣчено, что легенда объ японскихъ милліонахъ получила освященіе отъ Св. Синода и въ его посланіи о крамолѣ была прочитана въ христіанскихъ храмахъ, гдѣ должно возвѣщаться только евангельское слово любви и чистѣйшей правды. Отмѣчали, что синодальное посланіе оправдываетъ кровопролитіе 9 января¹⁾, и что видные представители православной Церкви обращались съ призывомъ къ покаянію, какъ къ грѣшникамъ, къ тѣмъ самымъ рабочимъ, которые въ трогательной вѣрѣ въ христіанскую правду и милосердіе властей, шли безоружные со св. иконами и царскими портретами къ Царю, въ которомъ они видѣли носителя христіанскихъ идеаловъ, и были разстрѣляны войсками. Въ концѣ февраля и началѣ марта прошлаго (1905) года въ печати высказывалось недоумѣніе и даже негодованіе по поводу проповѣди одного православнаго епископа, который въ прощальное воскресенье въ грозной рѣчи призывалъ „безбожную“ интеллигенцію на судъ и изрекалъ страшныя прещенія на головы тѣхъ, которые, по сознанію многихъ, все же дѣлали часто подвигъ любви, а

¹⁾ См., напр., въ недавнее время, Народ. вѣстникъ, 1906 г., № 9, въ статьѣ: „Официальная церковь и народъ“.

иногда и душу свою полагали за братьевъ. Не разъ отмѣчалась въ печати дѣятельность епископа серпуховскаго. Его обвиняли въ томъ, что онъ, будучи дѣятельнымъ членомъ союза, такъ называемыхъ „истинно-русскихъ“ людей, въ союзѣ съ г. Грингмутомъ и полиціей, призывалъ къ насиліямъ противъ либеральной интеллигенціи и забастовщиковъ; святительскою рукою раздавалъ и рекомендовалъ челоуѣко-ненавистническія изданія гг. Грингмута, Берга и др. ¹⁾ Шли извѣстія и изъ другихъ мѣстъ при чемъ дѣятельность нѣкоторыхъ представителей духовенства прямо приравнивалась къ черносотенной пропагандѣ. „Станнымъ, почти невѣроятнымъ казалось, пишутъ въ „Нашей Жизни“ отъ 27 іюля 1905 г. (№ 180, статья: „На очереди“), что пастыри церкви стали выступать въ качествѣ вдохновителей черносотенной банды. Въ Саратовѣ явились „Братскіе Листки“, проповѣдующіе совсѣмъ не братскіе чувства. Въ Казани нѣкій священникъ выпустилъ брошюру для народа, въ которой восклицалъ: „Братцы! не вѣрьте интеллигенціи!.. Устройте имъ такую раскачку, какой еще міръ не видалъ!“.. Эти странные факты казались случайными. Добродушное общество готово было считать ихъ за проявленіе усердія не по разуму немногихъ низшихъ служителей алтаря. Дальнѣйшими фактами живая жизнь развертываетъ болѣе широкую картину. Общество читало такого рода извѣстія о христіанскихъ пастыряхъ и недоумѣвало. Возможно, что въ этихъ извѣстіяхъ было немало преувеличеннаго, тенденціознаго и даже прямо вымышленнаго. Съ другой стороны, печать отмѣчала и свѣтлыя, по ея мнѣнію, явленія въ духовенствѣ, напр. дѣятельность священника о. Гр. Петрова, рѣчи и статьи преосв. Антонина и др. Однако въ сознаніи общества все болѣе росло убѣжденіе, что это только единичные голоса, а главная масса духовенства реакціонна, косна и неподвижна. „Къ сожалѣнію, заканчиваетъ авторъ вышеотмѣченную статью въ „Нашей Жизни“ (№ 180), здравые голоса въ стадѣ духовенства заглушены воинственными

¹⁾ См. корреспонденціи и замѣтки особенно въ Московскихъ газетахъ во второй половинѣ іюля, а также въ октябрѣ прошлаго (1905) года, напр., въ Русск. Вѣдом., между прочимъ, письмо предсѣдателя рузской уѣздной земской управы г. Цыбульскаго, перепечатанное во многихъ газетахъ.

криками защитниковъ реакціи. Общая масса духовенства, послушная указаніямъ своей власти, явно становится на сторонѣ насилія, думающаго черносотенными средствами пріостановить порывы пробуждающагося общества“.

Между тѣмъ освободительное движеніе все ширилось и развивалось, захватывая все болѣе широкіе круги общества. Критическая мысль, пробужденная печальнымъ опытомъ позорной войны, путемъ печати и устной пропаганды проникала въ самыя толщи народной жизни, слускалась на самыя низы и будила народное сознаніе. Подъ влияніемъ такого рода факторовъ народное сознаніе работало и развивалось: мыслящіе люди учитывали всѣ явленія. Наростали новыя силы, создавались новыя величины; многое изъ стараго было развѣнчано, потеряло авторитетъ и значеніе: происходила переоцѣнка цѣнностей.

Въ связи съ этимъ общимъ критическимъ процессомъ, въ разгоряченной атмосферѣ общественной жизни даже, повидимому, маловажныя событія, которыя въ другое время могли пройти незамѣченными, привлекали общее вниманіе и разрастались до размѣровъ крупнаго общественнаго явленія. Это именно произошло по поводу отказа ректора Спб. Дух. Академіи еп. Сергія (Страгородскаго) служить панихиду по кн. С. Н. Трубецкомъ. Надо имѣть въ виду всю силу общественнаго движенія, которое такъ широко проявилось по поводу смерти кн. Трубецкого, чтобы во всемъ значеніи оцѣнить то впечатлѣніе, которое произвелъ поступокъ православнаго епископа. Преосв. Сергій печатно оправдывался въ своемъ поступкѣ, выяснялъ свои основанія, предлагалъ объясненія. Въ иное время, при другихъ условіяхъ, быть можетъ, этихъ объясненій было бы достаточно, но въ данный моментъ они мало кого удовлетворили. Общество недоумѣвало предъ фактомъ отказа виднаго представителя православной Церкви служить панихиду по человѣкѣ чистой незапятнанной репутаціи, христіанинѣ-идеалистѣ, умершемъ на славномъ посту борца за народное благо. Въ газ. „Русь“ по этому поводу была напечатана опредѣленная по своему заголовку замѣтка: „Монашество безъ Евангелія“ № 237, 2 октября). Поднимался протестъ противъ высшей монашеской іерархіи, противъ ея косности и отрѣшенности отъ жизни: ставился вопросъ о соответствіи монашески-

аскетическихъ началъ съ Евангеліемъ. Вмѣстѣ съ этимъ обнаруживался разладъ между представителями православной Церкви и наиболѣе энергичными и дѣятельными кругами общества, и все болѣе общественное мнѣніе склонялось не въ пользу первыхъ. Мы позволимъ себѣ привести по этому поводу нѣсколько строкъ изъ дневника одного вѣрующаго человѣка, хорошо, намъ кажется, характеризующихъ настроеніе общества. „Преосвященный ректоръ, читаемъ здѣсь, торжественно и, быть можетъ, гордо заявилъ, что они не съ Трубецкимъ, они другого съ нимъ лагеря. Но сознавалъ ли онъ, что этимъ самымъ онъ вычеркивалъ себя и присныхъ изъ лагеря всей мыслящей и чувствующей Россіи? Они не съ Трубецкимъ, но за Трубецкимъ стоитъ громада лучшихъ сыновъ многострадальной родины. Они не съ Трубецкимъ, но они и не съ интеллигенціей и народомъ въ его сознательной массѣ. Учащаяся молодежь и профессора, ученые и литераторы, рабочіе и крестьяне, всѣ пришли поклониться праху Трубецкаго и горы вѣнковъ сложили у его гроба. Вся сознательно живущая Россія въ торжественной печали оплакиваетъ безвременную кончину. А наши высшіе іерархи—другихъ убѣжденій! Они не съ нами, они другого лагеря! Но съ кѣмъ же вы? Отъ васъ отрекаются ваши ближайшіе ученики, которые возлагаютъ вѣнокъ на гробъ человѣка, противнаго вамъ лагеря, называя его „философомъ-идеалистомъ и защитникомъ правъ гражданства“ (надпись на вѣнкѣ студентовъ Спб. Дух. Академіи). Не съ вами группа бѣлыхъ священниковъ, открыто свидѣтельствующая свою „кровную близость“ (рѣчь свящ. о. К. Аггеева) къ человѣку, чуждыхъ вамъ убѣжденій. Съ кѣмъ же вы? Все лучшее, благороднѣйшее, мыслящее и чувствующее идетъ за Трубецкимъ: вамъ остается или полное одиночество, или союзъ съ косностью и ложью. Вѣдь только Москов. Вѣдомости, органъ г. Грингмута, не обмолвились сочувственнымъ словомъ по поводу смерти князя-идеалиста! Онъ одного съ вами лагеря?! Пастыри душъ человѣческихъ, равнодушные къ чистымъ порывамъ и идеальнымъ стремленіямъ благороднаго сердца! Лучшему и благородному принадлежитъ жизнь, за нимъ будущее... Вы—отрицатели жизни и движенія, и жизнь отрицается васъ и грозно предостерегаетъ: отрицателямъ не мѣсто въ жизненномъ строительствѣ“.

Такъ все болѣе и болѣе обозначалось расхожденіе представителей Церкви и широкихъ круговъ общества на почвѣ освободительнаго движенія. Представители Церкви въ главной массѣ оказались не съ обществомъ въ его идеальныхъ порывахъ и стремленіяхъ; они были не въ ряду дѣятелей за народное благо, раздѣляя ихъ радости и печали; они то стояли въ сторонѣ, были пассивны и молчали, то обнаруживали опредѣленное тяготѣніе къ порядкамъ и началамъ жизни, для многихъ сдѣлавшихся ненавистными. Фактъ разлада не съ кучкой только, такъ называемой, невѣрующей интеллигенціи, а съ громадной массой общества былъ налицо и требовалъ объясненія. Часто объясненіе это складывалось неблагоприятно для Церкви и ея представителей. Въ умахъ многихъ происходила переоцѣнка православной Церкви и прежде всего значенія и роли ея официальныхъ представителей.

Но это было еще только начало критическаго процесса. Жизнь выдвигала для Церкви новыя испытанія, которыя были пробнымъ камнемъ ея жизненности и значенія, требовали отъ ея предстоятелей мужества въ исповѣданіи и самоотверженности въ служеніи. Эти новыя испытанія не послужили ко благу Церкви, не возвысили ея значенія въ глазахъ многихъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ страшныя событія, которыя развивались на Руси послѣ „октябрьской свободы“. Братоубійственныя столкновенія и погромы, московское вооруженное возстаніе и его кровавое подавленіе, разстрѣлы и казни—какимъ то кровавымъ туманомъ окутали нашу родину. Въ эту темную тревожную ночь глаза многихъ обращались съ надеждой къ Церкви, жаждали отъ нея увидѣть лучъ свѣта, услышать бодрящій голосъ. Но Церковь была какъ то безучастна и неподвижна: ея представители въ главной массѣ молчали. Въ печати призывали пастырей сказать свое слово, высказывались сомнѣнія и недоумѣнія въ виду неподвижности Церкви, молчаливаго и безучастнаго отношенія ея представителей къ кричащимъ явленіямъ нехристіанской дѣйствительности. Такого рода сомнѣнія и недоумѣнія обуревали многія души. Объ этомъ ясно свидѣлствуетъ цѣлая литература писемъ—обращеній къ духовенству, которыми пестрѣли столбцы газетъ особенно Руси, отъ Рождества до Пасхи. Писали люди разныхъ классовъ общества,

и мы не въ правѣ заподозрить искренность этихъ писемъ. По словамъ одного письма, это были „слезныя, страданіями и многими духовными пытками вымученныя строки“ (Русь, № 35, 21 февраля), это были какъ бы „предсмертныя судороги души“ „истинно вѣрующей пока“ (Русь № 34, 20 февраля). Въ нихъ слышится страстный вопль души, жаждущей „увидѣть истинную вѣру“, а не только обряды (письмо крестьянина К. Бѣляева, Русь, № 26, 11 февраля), болѣвшей преступнымъ молчаніемъ пастырей Церкви. Къ представителямъ Церкви обращались съ горячей мольбой возвысить свой голосъ во имя Христа для прекращенія убійствъ и казней. Чувствовалось уже во многихъ колебаніе и сомнѣніе.—„Неужели же всѣ наемники?!“ Спрашиваютъ въ одномъ письмѣ „пасомые“ (Русь, № 35, 21 февраля); „или вы только чиновники духовнаго вѣдомства?... гдѣ и въ чемъ ваше служеніе Богу?“ (Русь, № 33, 19 февраля). „Если вы дѣйствительно вѣруете въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія,... вы должны протестовать, иначе вы нравственно не можете быть священнослужителями“, пишетъ крестьянинъ (Русь, № 26). Въ нѣкоторыхъ письмахъ уже звучитъ категорическій приговоръ: „священнослужители наши отринули Христа, и Онъ не съ ними“ (Русь, № 39, 25 февраля). Колебаніе и сомнѣніе смѣняются негодованіемъ на этихъ новыхъ „потаковниковъ“ власти. „Тому, кто ни горячъ, ни холоденъ, нѣтъ мѣста у алтаря Христова“ (Русь, № 33, 19 февраля). Для духовныхъ мертвецовъ „не мѣсто въ храмѣ, а въ гробахъ или въ пучинѣ морской вмѣстѣ со свиннымъ стадомъ, какъ во времена Христа“ (Русь, № 34, 20 февраля). Нѣкоторые заявляли: „не буду говѣть, кому пойду открывать свою душу?“ (Русь, № 34).—Осужденіе и отрицательное отношеніе переносится уже на всю православную Церковь; въ душѣ нарастаетъ кризисъ православной вѣры. „Неужели же наша вѣра православная не есть религія Христа?“ спрашиваетъ „одинъ изъ сомнѣвающихся и недоумѣвающихъ“ (Русь, № 46, 4 марта). Вѣрующіе сомнѣвались, да жива ли Церковь? Не есть ли это спокойствіе и невозмутимость—признакъ сна и омертвенія? Гдѣ же Божья правда? Гдѣ же столь прославленное правовѣріе на Руси искони-православной? Не есть ли это—одна иллюзія и обманъ? Вотъ что пишетъ одинъ очевидецъ подъ впечатлѣніемъ благодарствен-

наго молебна, отслуженнаго православнымъ священникомъ, послѣ кровавыхъ экзекуцій семеновцевъ. „Поведеніе батюшки для меня, какъ христіанина, еще ужаснѣе произведенныхъ убійствъ солдатами Семеновскаго полка, эти убивали тѣло, а „батюшки“ наши убиваютъ во мнѣ душу живу и заставляютъ сомнѣваться въ истинѣ вѣры православной,—та ли это истинная вѣра, въ которой служители ея не находятъ въ себѣ силы защищать заушаемаго Христа?!“... (Русь, № 39, 25 февраля). Наконецъ, одинъ авторъ, краснорѣчиво озаглавивъ свою статью о пастыряхъ Церкви: „безплодные смоковницы“, и предваривъ ее извѣстнымъ текстомъ изъ прор. Исаи: „Люди сіи чтутъ Меня устами, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня“ (гл. 24. 13), откровенно пишетъ: „меня всегда удивляло это ожиданіе христіанскихъ поступковъ отъ нашей омертвѣвшей, бюрократической церкви“ (Двадцатый вѣкъ, № 4, 28 марта).

Такимъ образомъ, если у однихъ еще только зарождались недоумѣнія и сомнѣнія, нарасталъ кризисъ вѣры, у другихъ этотъ кризисъ уже безповоротно разрѣшался невѣріемъ и отступленіемъ отъ нашей православной Церкви. Притомъ это движеніе совершалось во имя Христа, для сохраненія вѣрности Его завѣтамъ, отъ которыхъ, думаютъ, отступила православная Церковь. Раздѣленіе и отступленіе совершалось во имя христіанскихъ принциповъ.

Нѣкоторые скажутъ: но это только частности, отдѣльныя единицы, появленіе которыхъ такъ же безразлично для твердыхъ народныхъ устоевъ православія, какъ до сихъ поръ не представляла опасности невѣрующая интеллигенція, оторванная отъ народа. На это надо сказать, что такъ называемая беспочвенная интеллигенція все болѣе и болѣе находитъ откликъ и сочувствіе въ народѣ: только слѣпой не видитъ, что въ нашемъ освободительномъ движеніи въ одномъ ряду съ интеллигентами и подъ ея лозунгами объединились широкія народныя массы. На крестьянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ ноябрѣ прошлаго года согласно въ устахъ интеллигентовъ и крестьянъ звучала фраза: полны насъ обманываютъ. И въ декабрьской книжкѣ печатнаго органа Московской Дух. Академіи, живо отзывающагося на всѣ вопросы жизни, была по этому поводу напечатана замѣтка: „Грозное предостереженіе духовенству“ (Богосл. вѣстн.,

1905 г., 3, 833—836). Изъ глухихъ деревень приходилось слышать сообщенія, какъ крестьяне заявляютъ: студенты за насъ стоятъ; и тѣ же крестьяне останавливаютъ въ церкви „современную“ проповѣдь священника, заявляя: объ этомъ намъ говорить и въ Правленіи, скажи, батюшка, о Христѣ, расскажи житіе святаго... Конечно, не вдругъ еще заполнится созданная вѣками пропасть между бариномъ и мужикомъ. Но, съ осуществленіемъ у насъ народоправства, тотъ и другой являются въ одномъ званіи гражданина, а съ уничтоженіемъ сословныхъ привиллегій, не будетъ уже условій, питавшихъ гордость и высокомеріе однихъ, подозрительность и недовольство другихъ. При новыхъ порядкахъ интеллигенція и народъ будутъ сходиться за общей работой въ обще-государственныхъ и мѣстныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, съ новыми порядками надо ожидать улучшенія матеріальнаго благосостоянія народа, что откроетъ ему доступъ къ такъ называемымъ культурнымъ благамъ, которыя въ видѣ произведеній науки, искусства, литературы, техники до сихъ поръ были доступны только для высшихъ болѣе состоятельныхъ классовъ. Въ духовной литературѣ обычно указываютъ печальные примѣры развращающаго вліянія большого города на жителя деревни въ лицѣ безшабашныхъ рабочихъ, а то и прямо пропойць и бродягъ. Однако нельзя забывать, что и лучшіе примѣры, хотя бы въ лицѣ сознательныхъ вполнѣ развитыхъ рабочихъ, особенно молодежь часто оказывается далеко отъ Церкви: здѣсь ближе стоятъ, больше свѣта видятъ отъ интеллигенціи, чѣмъ отъ представителей Церкви. Словомъ, съ культурнымъ ростомъ и развитіемъ низшихъ классовъ общества открывается для нихъ такая же опасность уклоненія отъ православной Церкви, которая совершилась съ нашей интеллигенціей, идущей впереди народа по пути культуры. Наша надежда въ томъ, что такъ называемая невѣрующая интеллигенція оказывается часто вѣрующей и подъ ея матеріалистическими стремленіями лежатъ часто глубоко-идеалистическіе мотивы: здѣсь часто нѣтъ непримиримаго отношенія къ христіанству.

Однако это все же перспективы будущаго, хотя, быть можетъ, и не такъ далекаго. Но у насъ предъ глазами происходятъ уже и знаменательные факты настоящаго.

Въ одномъ частномъ письмѣ по адресу нашего духовен-

ства намъ довелось прочитатъ такія горячія строки: „Бойтеся и трепещите! Встаньте: народный судъ идетъ! Душа народа возмущена и она прозрѣетъ; носителей правды и ея мучениковъ народъ видитъ въ иной средѣ, а о васъ говорить: помы насъ обманываютъ.

И не уйти вамъ отъ суда людскаго,
Какъ не уйти отъ Божьяго суда!“

Если не судить, то разсуждать народъ началъ. До сихъ поръ онъ жилъ по указанію властей, по приказу начальства. Всѣ опирались на него, дѣйствовали во имя его блага, но не считали нужнымъ спрашивать его мнѣнія. Впервые опросъ происходитъ въ наше время: народъ призванъ сказать свое слово, высказать свое мнѣніе при выборахъ въ Думу; это первый опытъ народнаго самоопредѣленія. У насъ еще нѣтъ окончательныхъ результатовъ, да и условія выборовъ таковы, что едва ли ихъ можно принимать за подлинный голосъ народа. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ результаты получились довольно опредѣленные. Немало было толковъ о народности нашего духовенства, его особенной близости къ народу, который къ тому же отличается особенной преданностью вѣрѣ православной и проникнутъ уваженіемъ къ своимъ духовнымъ пастырямъ. Естественно было ожидать, что православный русскій народъ облечетъ своимъ довѣріемъ представителей духовенства, священниковъ, епископовъ. Однако этого не случилось: изъ 300—400 выбранныхъ въ Думу депутатовъ только 5—6 священниковъ, а о епископахъ и не слышно. Результатъ тѣмъ болѣе поразительный, что въ 13 губерніяхъ на губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ число выборщиковъ отъ крестьянъ представляетъ большинство сравнительно съ выборщиками отъ другихъ классовъ населенія. Нашъ избирательный законъ давалъ такія преимущества крестьянамъ, что дѣйствуя солидарно они въ этихъ 13-ти губерніяхъ Европейской Россіи могли провести сплошь своихъ кандидатовъ, что дало было 99 крестьянскихъ депутатовъ. Мы знаемъ изъ печати, что во многихъ случаяхъ крестьяне дѣйствовали солидарно, настойчиво проводили своихъ кандидатовъ. Однако представителей духовенства почти не оказалось между крестьянскими депутатами: народъ не считалъ ихъ *своими*. И тотъ же самый православный русскій народъ, который не ока-

заль особеннаго довѣрія своимъ духовнымъ пастырямъ, выбираль лицъ скрывавшихся отъ администраціи и находившихся подъ судомъ по политическимъ дѣламъ, или даже сидѣвшихъ въ тюрьмѣ и бывшихъ въ ссылкѣ. Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы духовенства, живущаго, какъ извѣстно, главнымъ образомъ на добротныя даянія народа, на упадокъ доходовъ. Конечно, здѣсь имѣетъ значеніе тотъ экономическій кризисъ, который переживаетъ государство и особенно наша деревня. Однако нельзя забывать, что упадокъ матеріальнаго благосостоянія не мѣшаетъ расходиться политическимъ брошюрамъ, а также религіозно-нравственнымъ сочиненіямъ гр. Л. Н. Толстого въ 10,000—100,000 экземпляровъ. Крестьяне, назначающіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за крестины духовенству 10 коп., за молебенъ 5 к. (Церк. Вѣстн., 1905 г., № 14), собираютъ свои скудные гроши для выписки въ складчину газеты.

Итакъ не только въ сознаніи интеллигентовъ, но въ жизни широкихъ круговъ общества, въ сознаніи народа вырастаютъ *новыя цѣнности*. Простой народъ, во многомъ жившій интересами Церкви и подчинявшій ея указаніямъ почти всѣ стороны своей жизни, начинаетъ создавать свои интересы, жить своею особою жизнію. Поскольку дѣло касается матеріальной культуры, съ этимъ приходится мириться: дѣло соціально-экономическаго развитія не дѣло Церкви. Для нея довольно заботъ въ области религіозно-нравственной. И въ этой области пробужденное народное сознаніе предъявляетъ запросы, производитъ оцѣнку. Народъ нашъ вышелъ изъ младенческаго состоянія; онъ сбрасываетъ съ себя путы опеки и усмотрѣнія начальства; думаетъ жить своимъ умомъ, ищетъ свободы и самоопредѣленія. Въ церковной области онъ также заявляетъ свои права, поднимаетъ свой голосъ. Нашъ народъ мучительно жаждетъ правды, въ немъ съ неудержимой силой заговорилъ голосъ совѣсти. Многое изъ стараго оказалось непригоднымъ, обманчивымъ, лживымъ. Съ молодымъ задоромъ, въ избыткѣ петронутыхъ, доселѣ подавленныхъ силъ народъ разбиваетъ старые обманчивые кумиры и неудержимо стремится къ истинѣ. „Земли надо! Свободы! Образование, равенство! *Правда въ религіи нужна!*“ Такъ говорилъ въ собраніи 19 апрѣля членъ Государственной Думы отъ харьковскихъ крестьянъ г. Назаренко. „И ка-

залось, пишетъ очевидецъ, трепеть, дрожаніе, зной желѣзной силы молодого народа, словами тѣми ударили слушателей“ („Вечерній Голосъ“, 1906 г., № 94). Всѣ недавно читали случай, какъ одинъ паломникъ въ Кронштадтѣ выбилъ изъ рукъ о. Іоанна Сергіева чашу со Св. Дарами. Многіе рѣшили, что это сумашедшій фанатикъ, изувѣрь-сектантъ, которому мѣсто въ домѣ умалишенныхъ. Но вотъ одинъ писатель вскрываетъ психологію этого поступка на основаніи точныхъ данныхъ, и предъ нами встаетъ фигура „мученика совѣсти“, долгими годами душевной борьбы пришедшаго къ своему поступку. Этотъ искатель истины „проходилъ за ней цѣлыхъ 15 лѣтъ“, ища ее среди духовенства, „проникая во всѣ сокрытыя отъ русскаго бѣднаго народа тайны“. Онъ совершилъ свой поступокъ „во имя справедливости“, послѣ долгаго обдумыванія; онъ сознательно шелъ на всѣ его послѣдствія, надѣясь „открыть тотъ источникъ зла, который сокрытъ былъ цѣлыхъ 2000 (?) лѣтъ отъ бѣдныхъ, забытыхъ нуждою людей, несшихъ послѣднія крохи къ ногамъ людей, прикрывающихся именемъ Христа“. „Я сдѣлалъ оное, говорилъ онъ, по писанію Евангелія, ибо и Христосъ въ Іерусалимѣ опрокинулъ столы мѣновщиковъ, выгналъ торгующихъ изъ храма“. За свои убѣжденія онъ готовъ пойти и въ адъ, ибо онъ вѣруеть въ животворную силу правды: „время придетъ и адъ будетъ раемъ, такъ какъ адъ наполненъ *справедливостями* жизни“. „Это я говорю, заключаетъ онъ, потому, что мужикъ созналъ свою ошибку, весь обманъ, который давилъ его цѣлые вѣка. Я исходилъ много во время паломничества и присмотрѣлся ко всему... Близко то время, когда васъ мужикъ погонитъ изъ рая и оснуетъ царство Божіе, царство труда“ („Двадцатый вѣкъ“, 1906 г., № 23). Пусть это слова фанатика-сектанта, но это голосъ убѣжденнаго человека, долгими муками выстрадавашаго свои убѣжденія. И онъ ни за что не уступить право своего религіознаго самоопредѣленія, будетъ до смерти вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Избитый въ тюрьмѣ онъ гордо заявляетъ: „я сынъ Божій во плоти (я говорю это, потому что мы всѣ сыны Божіи; Христосъ всѣмъ говорилъ „чадо“) и дѣлаю, что мнѣ заповѣдалъ Христосъ“. Кто первый броситъ въ него камень? Онъ ли только виноватъ, что со своей пламенной вѣрой, со свободой и достоинствомъ живого творческаго духа, онъ не

нашелъ мѣста въ православной Церкви, не нашелъ правды въ ея представителяхъ? И такихъ людей немало: объ этомъ свидѣлствуетъ исторія нашего сектантства и раскола. Ихъ становится все больше и больше. „Его идея уже среди насъ, говоритъ бесѣдовавшій съ нимъ, возлѣ насъ, въ насъ самихъ“; она „близка къ идеямъ лучшихъ нашихъ людей“. У него много единомышленниковъ; скоро ихъ будетъ больше“. Развѣ нашъ народъ въ массѣ не жаждетъ мучительно правды, не ищетъ также страстно истины? Съ этой жаждой онъ въ многочисленной массѣ является „мученикомъ совѣсти“. Въ умахъ многихъ происходитъ болѣзненный кризисъ вѣры въ нашу наличную Церковь; поднимается мучительный вопросъ о соотвѣтствіи современнаго православія евангельскому христіанству. И для многихъ кризисъ этотъ разрѣшается отрицательнымъ отношеніемъ къ настоящей Церкви, отступленіемъ отъ современнаго православія. Насколько пламенна вѣра, столь же неудержимо идетъ крушеніе старыхъ кумировъ. „Близится страшное время, (боюсь не наступило ли?), пишетъ „деревенскій“ священникъ В. Ильинскій, когда отъ насъ отвернется наша паства, когда „не послушаютъ гласа нашего“; выберутъ себѣ иныхъ руководителей, иныхъ учителей“ (Русь, 1906 г., № 35). Уже ли въ такое критическое время можно ограничиваться только внѣшними юридически-административными реформами? На страстный вопль души, ищущей правды, отвѣчать ссылками на каноны, указаніемъ на формы жизни давнопрошедшаго? Если наша Церковь не хочетъ, чтобы отъ нее отвернулись живыя души, она должна обратиться къ вѣчному источнику воды живой, къ животворнымъ завѣтамъ Божественнаго Учителя; на голосъ жизни она должна отвѣчать живымъ словомъ; для ищущихъ истины должна возжечь немеркнушій свѣточъ христіанскаго исповѣданія.

IV.

Чего же вы хотите? спросять нѣкоторые. Развѣ Церковь отступила отъ завѣтовъ Христа? развѣ у нее нѣтъ исповѣданія? Все это есть, но почему мы такъ жаждемъ церковнаго обновленія? Почему такъ необходима церковная реформа и мы всѣ такъ къ ней стремимся? Въ жизни нашей Церкви

что-то неладно и мы ищемъ оживленія и обновленія церковной жизни. Мы всѣ иногда смутно, а подчасъ тревожно и ясно сознаемъ, что въ жизни Церкви чего-то недостаетъ, что-то надо внести и исправить.

Въ своихъ разсужденіяхъ мы старались показать, что если даже ограничиваться тѣми рамками внѣшняго административно-юридическаго устроенія, которыя опредѣлены для церковной реформы нашими іерархами и властями, то и здѣсь въ сравнительно узкой сферѣ все же намъ не обойтись безъ принципиальнаго обоснованія. Только при единствѣ принциповъ можетъ быть разработана единая стройная система каноническаго строя. Безъ руководства единого церковнаго сознанія намъ грозитъ опасность, по словамъ г. оберъ-прокурора Св. Синода въ рѣчи при открытіи предсоборнаго присутствія, „зайти въ далекія дебри, изъ которыхъ выбраться на вѣрный путь будетъ весьма трудно, а подчасъ и едвали возможно“ (Приб. къ Церк. Вѣдом., № 10). Только при согласіи въ принципахъ можетъ быть согласіе во внѣшнихъ формахъ. Поэтому намъ казалось, что какъ бы ни старались іерархи и власти замалчивать „обширѣйшую область предметовъ, относящихся къ познанію, утвержденію и очищенію отъ разныхъ заблужденій православной христіанской вѣры“, и свести дѣло церковной реформы къ внѣшнимъ формамъ, каноническимъ нормамъ, сохранить права и привилегіи однихъ и закрѣпить обязанности за другими,—все это неосуществимыя стремленія, праздная затѣя. Необходимо придется коснуться принциповъ, какъ бы мы не ограничивали объемъ церковной реформы. Пренебреженіе принципиальной стороной, будучи вполнѣ невыполнимо, не послужитъ къ пользѣ дѣла. Поэтому и реальная необходимость и нашъ долгъ, поскольку мы стремимся къ оживленію церковной жизни, заставляютъ насъ сосредоточить свое вниманіе въ этой области.

Этотъ долгъ вырастаетъ для насъ въ настоящую обязанность, въ первѣйшую и главную заботу, въ виду современныхъ условій жизни русской Церкви, особенностей переживаемаго ея историческаго момента. „Опасности, говоритъ компетентный обозрѣватель „повременной печати“ въ „Церковномъ Голосѣ“ (№ 12, стр. 380), угрожающія нашей церкви въ настоящее время—огромныя, затрудненія ея несравненно

больше тѣхъ, въ какихъ находилась католическая церковь предъ наступленіемъ реформаціи на Западѣ. Едва ли есть преувеличеніе въ этихъ словахъ. Церковь лишается внѣшней государственной поддержки, рядомъ съ ней вырастаютъ новыя силы, создаются новыя цѣнности, къ ней предъявляются новыя запросы, требуютъ живыхъ словъ и принципиальныхъ отвѣтовъ и не находя ихъ, порываютъ съ ней. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ ограничиваться клерикально-бюрократической передѣлкой обветшавшаго зданія „оффиціальной“ Церкви. Когда нужно укрѣплять основы зданія, неразумно все вниманіе сосредоточивать на его отопленіи и вентилляціи, прорубать новыя окна и двери. Говорятъ, надо устроить внѣшнія формы жизни опредѣлить церковно-каноническія нормы, и тогда внутренняя жизнь наладится сама собой. Нельзя однако ожидать, что у насъ церковная жизнь закипитъ только потому, что возстановлены будутъ каноническія формы жизни древней византійской Церкви, во главѣ Церкви будетъ стоять патріархъ, по главнымъ городамъ поставлены будутъ окружные митрополиты, а по всѣмъ малымъ—епископы. Кто въ настоящее время интересуется канонами? Многіе ли изъ православныхъ знаютъ даже о существованіи книги правилъ? Кто стремится быть руководителемъ жизни, тотъ долженъ знать, „чѣмъ люди живы?“ Кто въ настоящее время удовлетворится административно-бюрократическими реформами и мертвыми словами? Не можемъ же мы замалчивать, что народъ проливаетъ слезы надъ разсказами еретика, отлученнаго отъ Церкви, гр. Л. Н. Толстого, и со скукой слушаетъ уснащенные текстами посланія Св. Синода, зевааетъ, слушая современныя проповѣди пастырей Церкви. Народъ нашъ ищетъ правды въ религіи, онъ „мученикъ совѣсти, онъ изголодался по хлѣбѣ духовномъ. Уже ли голодному вмѣсто хлѣба дадимъ камень? Безднадежна и опасна затѣя — ограничиться однѣми бюрократическими реформами, дѣятельностью составленныхъ изъ свѣдущихъ людей, по рекомендаціи начальства, комиссій и подкомиссій. Слишкомъ печальный примѣръ такого рода реформъ былъ продѣланъ въ гражданской жизни, чтобы еще повторять его въ сферѣ жизни церковной, гдѣ все должно быть основано на нравственномъ базисѣ и свободномъ исповѣданіи истины. У насъ совершается политическая револю-

ція, и, можетъ быть, мы на порогѣ религіозной реформаціи. Реформація начнется снизу, если предстоятели Церкви не откажутся отъ безплодныхъ стремленій—задержать ходъ жизни, если не произведутъ дѣйствительнаго церковнаго обновленія сверху. Народъ нашъ, получившій путемъ борьбы право самоопредѣленія въ жизни гражданской, не откажется, не уступитъ этого права на свободу въ болѣе дорогой для него, интимнѣйшей области религіи. Если Церковь хочетъ сохранить руководство въ религіозной жизни народа, она должна провозгласить живое, всеобъемлющее, единое и современное исповѣданіе, должна разработать цѣльную систему христіанскаго жизнепониманія, примѣнительно къ запросамъ дѣйствительности.

Нельзя сказать, чтобы у насъ такая система была, чтобы мы выявили всю необъятную ширь и богатство христіанскаго исповѣданія. Не освящается ли у насъ часто безжизненный монашески аскетическій идеаль, какъ верхъ совершенства и единственно правый путь жизни, вѣрнѣе, отрицанія жизни? Не выставляется ли у насъ даже въ академическихъ органахъ все культурно-гуманитарное движеніе, въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ, общественной жизни, если не какъ порожденіе духа лжи, то все же, какъ нѣчто противоположное христіанству, съ нимъ несовмѣстимое.

Мы исповѣдывали преимущественно пассивныя христіанскія добродѣтели: смиреніе, терпѣніе, послушаніе и т. д. Притомъ проповѣдывали ихъ только низшимъ, а для власть имущихъ у насъ чаще произносились слова хвалы и славословія. Активная сторона христіанства у насъ мало затрогивалась. Мы жили преданіями прошлаго и не имѣли готоваго отвѣта на запросы настоящей жизни. Современное церковное сознаніе неясно и неопредѣленно. „Никто не знаетъ, говоритъ проф. Н. К. Никольскій, не прежняго, не будущаго, а *настоящаго, современнаго намъ исповѣданія* Церкви, примѣнительно къ условіямъ не прошедшей, и не будущей жизни, а текущей, никто не знаетъ, какъ іерархія понимаетъ христіанство и къ чему хочетъ стремиться? Нельзя же думать, что іерархи желаютъ только власти, а не имѣютъ исповѣданія“ (Христ. Чт., 1906 г., февр., стр. 198). Дѣйствительно глубокое разногласіе замѣчается въ настоящее время между представителями Церкви по вопросу, что нужно для обновленія ея

жизни. Одни хотятъ видѣть основу и гарантіи церковной жизни въ сильной іерархической власти; другіе хотятъ утвердить Церковь на каноническомъ правовомъ порядкѣ; третьи возлагаютъ свои упованія на людей богословской науки, представителей христіанскаго просвѣщенія; наконецъ, четвертые, православные опрошенцы, думаютъ искать истину у чистыхъ сердцемъ простецовъ, отшельниковъ и подвижниковъ. Все это не маловажныя отличія, а принципиальныя разногласія.

Тѣмъ не менѣе въ этомъ мы усматриваемъ еще новыя побужденія къ выработкѣ единаго, полнаго христіанскаго жизнепониманія, современнаго церковнаго исповѣданія. Намъ некуда идти, какъ только ко Христу, ибо у него только истинные глаголы вѣчной жизни. На этомъ пути мы сойдемся и объединимся съ лучшими вѣрующими людьми нашего народа. „Ты Петръ (камень), и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мат., гл. 16, 18). Не на данной Петру власти ключей и меча, какъ учатъ католики, а на исповѣданіи Петра создана Церковь; въ христіанскомъ исповѣданіи источникъ ея жизни и мощи. Если модное ученіе учить (историческій матеріализмъ), что въ экономикѣ все, все опредѣляется матеріальными потребностями; то Церковь должна заявить: въ идеѣ — сила, въ христіанскихъ принципахъ и идеалахъ надежда и источникъ церковнаго и нравственнаго обновленія.

Струйки этого дѣйствительнаго, а не внѣшне-бюрократическаго обновленія уже мѣстами пробиваются и надо, чтобы они обратились въ мощный потокъ.

А. Чирецкій.
